

Берды Кербабоев

**СЫН
КАРЛИ
ЧАКАНА**

Берды Кербабоев

СЫН КАРЛИ ЧАКАНА

Биографическая повесть

*Перевод
с туркменского*

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА • 1966

Перевод Ю. КАРАСЕВА

Берды Мурáдович Кербабáев — один из крупнейших советских писателей. Его произведения давно снискали широкую известность не только в родном писателю туркменском народе. Они переведены на многие языки народов СССР и зарубежных стран.

Берды Кербабáев дважды удостоен Государственной премии: за роман «Решающий шаг» и за повесть «Айсолтáн из страны белого золота». Пишет он и для детей. Юному читателю известны его книги «Баты́р» и «Веселые Джапбáки».

В этой новой повести Берды Кербабáев рассказал историю одной жизни, историю о том, как безвестный туркмен-подпасок Алты́ Карлй́ев стал выдающимся актером, режиссером и драматургом.

Отзывы о книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

1

Ночь выдалась морозная: влажный песок затвердел, подернулся ледком. А под утро посыпался мелкий, как крупа, быстрый град. Градинки ударялись о ледяную корку и разлетались во все стороны.

В безбрежной пустынной степи, поросшей саксаулом и колючкой, паслась большая отара.

Чуть поодаль от отары, с подветренной стороны одного из барханов, ярко пылал костер; ветви саксаула трещали, рассыпая сухие, жаркие искры. У костра стоял худенький, среднего роста подпасок лет тринадцати. На голове у него —

выцветшая коричневая островерхая шапка; рукава грубошерстного халата в заплатах; подол, изодранный колючкой, истрепавшийся, висел рваной бахромой; халат подпоясан веревками, которыми спутывали ишака. Обмотки, тоже донельзя истрепанные, еле закрывали тонкие острые колени мальчика. Из прохудившихся чокаев¹ высовывались стельки, словно коровьи языки...

Мальчик, мерно раскачиваясь, играл на туйдуке². Протяжные звуки печальной мелодии «Айджамал» разносились далеко-далеко. Увлеченный, подпасок не замечал ни холода, ни падающего с неба белого града. Он был один среди бескрайней степи. Его песню слушали лишь две клыкастые, со свирепыми мордами собаки да серенький ишак.

Ишак со смачным хрустом жевал сено. Собаки, утомленные ночным бдением, дремали, положив головы на могучие лапы, — их убаюкивал туйдук...

Мальчик был один в пустыне, но одиночество его не угнетало. На душе было легко: радовало собственное мастерство и неодолимое могущество солнца, которое хоть и пряталось за тучами, но все же сумело прогнать ночь, рассеяло свой свет в пасмурном воздухе...

Вдоволь наигравшись, подпасок положил туйдук на войлочную кошму, расстеленную у костра, и принялся бегать вокруг. Он походил на теленка, резвящегося после сытной еды. Щелкнул по носу одну из собак; сел верхом на другого пса. Тот заворчал, попытался приподняться, но завалился на бок. Подпасок со смехом подбежал к ишаку, который все не мог оторваться от сена, перепрыгнул через него раз, другой, а потом уселся ему на спину лицом к хвосту и хлопнул в ладоши:

— Арслан, ко мне!..

Собака, видно привыкшая к забавам подпаса, урча, метнулась к нему, стала подскакивать, норовя схватить маль-

---

¹ Ч о к а и — национальная обувь вроде русских лаптей.

² Т у й д у к — дудка, свирель из камыша.

чишку за ногу... Подпасок не удержался, упал на холодный песок. Поднявшись, потер ушибленное колено, прихрамывая, побрел к костру; песок скрипел под его ногами, как снег, чокаи оставляли на нем глубокие следы. И град был как снег — совсем мелкий. Земля побелела, словно покрывшись инеем. Мальчик повалился на кошму, недавний задор как рукой сняло. Он вспомнил о доме и загрустил...

2

Подпаска звали Алты́. А когда чабан сердился на него за какую-нибудь промашку, то к его имени прибавлял еще имя отца:

— Эй, Алты Карлй, зазевался!..

Отец подпаска умер в голодном семнадцатом году. Чтобы спасти детей от голода, Карлй Чакан толоч в ступе жмых. Желтая пыль окутывала его желтое лицо, желтое от истощения. Себе он во всем отказывал и скоро совсем сдал: щеки запали, веки опухли, белки глаз иссекли красные прожилки. Вконец обессилев, он слег, чтобы больше уже не подняться...

Алты тогда было восемь лет.

Семья не вылезала из нужды. Надо было помочь родным. Алты ушел из дому и нанялся подпаском к Порру́к-баю. И вот уж полгода пасет байскую отару. Полгода не знает, как там дома, в родном ауле... Не знает, ищут ли его или махнули рукой: мол, ничего с ним не сделается, пусть помыкается, может, это его образумит.

Ох и натерпелись же от него близкие! Он был в многодетной семье самым задиристым и непоседливым, энергия била в нем через край. Каких только прозвищ он не нахватал: Алты-обидчивый, Алты-забияка, Алты-кривляка!

Ему нравилось всех копировать, это у него ловко получалось! Чуть ссутулится, как-то по-особому выгнет ноги, и вот уже он не сорванец-мальчишка, а кривоногий горбун. Или

надуется, выпятит живот, и все покатываются со смеху: ни дать ни взять, пузатый мулла!

Искусство Алты пользовалось не только признанием, — он получал и немало тумачов да затрещин. Но это не останавливало мальчишку: пошмыгает носом — и снова за свое.

Особенно похожим выходил у него Поррук-бай: толстый, косолапый, неуклюжий. Алты так точно воспроизводил его медвежьи повадки — тяжело переставлял ноги, словно вытаскивая их из грязи, грузно раскачивался всем телом, — что чабаны и подпаски хохотали до слез. А когда он незаметно подкрадывался к какому-нибудь из чабанов и, гнусава, будто во рту у него был нас¹, окликал его, тот испуганно оборачивался в полной уверенности, что за его спиной и вправду стоит Поррук-бай.

Сам Поррук-бай, не раз заставлявший Алты за этими проделками, только посмеивался:

— Проучить бы тебя, стервеца, да уж больно ловко ты лицедействуешь! Овец пасти — дело, конечно, стоящее. Скот — это счастье. Ходить за скотом — все одно, что за счастьем ходить. Но ты мог бы себя прокормить и своим кривляньем.

Правда, Алты развлекался не одним кривляньем. Горазд он был на проказы да на выдумку!

Однажды ранней весной выпал снег. Ребятишки, лет по шести-семи, сверстники Алты, принялись поспешно мастерить силки для ловли жаворонков. Снег весной — редкая удача, как ею не воспользоваться? Ребята торопились. Чтобы сладить силки, нужно было подобрать подходящую палку, найти шерсть, сплести из нее тонкие бечевки, — за это время снег мог растаять.

Алты с приятелем тоже решили соорудить ловушку и ломали головы, как бы обернуться побыстрее. Они стояли и вопросительно глядели друг на друга. Вдруг Алты хлопнул своего друга по плечу:

---

¹ Н а с — табак, который кладется под язык.

— Придумал!

— Чего ты придумал?

— Возьмем мамин казан.

— Так тебе его и дали!

— А я стащу потихоньку, никто и не увидит!

Алты и правда удалось незаметно вынести из дому небольшой казан. Друзья раздобыли бечевку, привязали ее к щепке, щепку воткнули в снег, оставалось поставить казан боком, так, чтобы он краем опирался на щепку. Когда под ним на приманку соберутся жаворонки, ребята дернут за бечевку, и казан накроет пичуг...

Неожиданно Алты снова ударил по плечу приятеля, возившегося с казаном. Тот обернулся:

— Чего дерешься?

Алты постучал себя кулаком по лбу:

— Дураки мы с тобой!

— А что? Что-нибудь не так?..

— Ага. Сообрази-ка: как мы достанем птиц из-под казана?

— А что? Возьмем и...

— «Возьмем и...»! — передразнил его Алты. — Как приподыдем казан, так они все и разлетятся.

— Верно! — Приятель обалдело уставился на Алты. — Как же быть?..

— Надо... надо продолбить дыру в казане!

— Так они в дыру вылетят!

— А мы закроем ее твоей тюбетейкой.

— Верно!.. — Приятель помолчал, хлопая глазами. — А как мы ее продолбим?

— «Как, как»! Подожди меня тут.

Алты убежал и вскоре вернулся с маленьким топориком. Присев над казаном, он стал бить топориком по его днищу. Казан не поддавался. Тогда Алты размахнулся и что есть сил хватил по казану обухом. Казан раскололся вдребезги. На шум из дома выскочил старший брат Алты, Бегхán. За-

видев его, Алты бросил топорик и пустился наутек. Он несся во весь дух, петляя между кибитками, но брат все-таки нагнал его, оттрепал за уши и, бранясь, поволок к матери. Вид у Алты был жалкий: весь в снегу, под носом мокро, лицо измазано сажей, черные слезы ползут по щекам. Он ждал, что мать отругает его, но она, взглянув на сына, только ахнула, прижала к себе и, целуя в грязные щеки, стала утешать:

— Не плачь, сынок, утри слезы-то. А Бегхану от меня достанется, будет знать, как обижать маленьких!

Алты был любимцем матери, она многое ему прощала. А забот с ним хватало! Он ни минуты не мог усидеть на месте: то дразнит кошку или собаку, то повытаскает верблюжьей шерсть из продранных одеял, а то возьмет два чайника и начнет стучать ими друг о друга... Старшие братья награждали его тумаками, Алты кричал: «Ой, пусти, больше не буду!» — но стоило ему вырваться, как он затевал новую шалость...

Мать лишь вздыхала и качала головой:

— Ох, непутевый, ох, бедокур! И в кого только такой уродился? Ни в мать, ни в отца... Говорят, дети-то походят не на тех, кто дал им жизнь, а на тех, кто первым их коснулся. Алты, видать, пошел в соседку-повитуху, вот уж была упрямица так упрямица! Все делала поперек!

Однако сам Алты был твердо убежден, что он весь в отца. Алты помнил его именно таким — упрямым, норовистым: во всем настаивал на своем, всегда поступит по-своему, и никому не даст спуска, даже сыновьям...

3

Алты лежал на кошме и думал: наверно, и старшие братья в отца. Они ведь любят Алты и жалеют его — не может же быть, чтобы брат не жалел брата! — но вот поди ж

ты, даже не пытаются его разыскать. Считают зазорным гоняться за ним по степи, будто за зайцем. Алты живо представил себе, как они переговариваются между собой: братишка, мол, всякие фокусы выкидывает, в прятки с нами играет, а мы еще в ножки ему будем кланяться? Нет уж! Пусть, пусть хлебнет лиха, в конце концов не выдержит, сам вернется домой с повинной головушкой.

А ему тут и правда уж неважко. Что ни день — брань да побои. И никто не приласкает, не прижмет к себе, не утешит, как мама.

Бедная, она, наверно, все глаза проплакала. Целых полгода не видела Алты!.. Уж она-то думает о нем днем и ночью. Все глядит на дорогу и у каждого прохожего спрашивает, не встречал ли он Алты, и каждого молит разузнать, где ее любимый сынок. А может, не вынеся разлуки, она захворала?

Алты так ярко вообразил себе страдания матери и так разжалобил себя, что, испугавшись своих мыслей, вскочил на ноги, растерянно огляделся...

Град кончился, воздух порозовел. Возле костра бродил лишь ишак: пока Алты предавался воспоминаниям и раздумьям, собаки ушли к отаре. И костер уже догорал...

Алты стукнул себя кулаком по лбу: вот растяпа! Ведь он разжег такой большой костер для того, чтобы испечь лепешки. И забыл о них! Давно бы надо замесить тесто, сейчас оно уж подошло бы. Теперь придется печь лепешки из пресного теста, не то останешься голодным: костер-то вот-вот совсем погаснет.

Алты, не мешкая, принялся за стряпню. Опустившись на колени, он торопливо месил тесто, вовсю работая маленькими кулачками. Увлечшись, а может, и оттого, что песок глушил стук копыт, Алты не заметил, как к нему подъехал Поррук-бай. Отдуваясь, он тяжело сполз с коня. Алты подбежал к нему и взял коня под уздцы. Увидев, как грозно хмурится бай, подпасок оробело залепетал:

— Здравствуйте, бай-ага! Как здоровье, бай-ага?..

Бай не ответил на приветствие. Поигрывая плеткой, хрипло спросил:

— Куда подевал баранов, мерзавец?..

Алты затрясся всем телом.

Дело в том, что три дня назад над пустыней пронесся сильный ураган. Чабана не было — ушел за продуктами, с овцами оставался один Алты. И из отары, которую он пас, исчезло два барана. Может, заблудились, может, их волки съели — кто знает? В такую непогоду все могло случиться.

Когда чабан вернулся, Алты бросился на поиски пропавших баранов. Искал двое суток, но тех и след простыл. Подпасок хорошо знал нрав Поррук-бая: или задаст ему добрую трепку, или взыщет убыток. А бараны стоили трехмесячного заработка Алты! Мальчик решил было бежать, но чабан успокоил его: «Разве ты виноват в этой пропаже? Буря виновата! Такие бури не одну овцу выщипывают из отар. Конечно, для бая всегда чабан виноват, на то он и бай. Но ты уж положишься на меня. Если Поррук-бай потребует, чтобы ты возместил ему ущерб, я сам с ним потолкую».

Но чабан, как на грех, был сейчас далеко, а Поррук-бай, это по всему было видно, не с добром приехал: уж сполна спросит с Алты за пропажу! Не надеясь на пощаду, мальчик дрожащим голосом пробормотал:

— Бай-ага... уж я искал, искал... Как в воду канули!.. Я... я два дня их искал...

— Искал, говоришь? — Бай, прикусив нижнюю губу, взмахнул плеткой. — Не нашел, говоришь? — Плетка со свистом обрушилась на плечи Алты. — Значит, плохо искал... плохо искал... плохо искал!

Ременная плетка в клочья разодрала халат подпаса, багровые рубцы вздулись на обнажившейся коже. Алты молчал, стиснув зубы, но вскоре, обессилев от боли, рухнул к ногам Поррук-бая. Тот пнул его.

— Пададь!

Когда Алты, придя в себя, открыл глаза, то увидел, что бай сидит возле костра, скрестив ноги. Рядом валялась миска. Тесто расплзлось по песку. Этого уж Алты не мог стерпеть! Он приподнялся на песке. Глаза у него горели. Бай тоже встал, в ярости сжимая плетку.

— Что глазами зыркаешь, волчье отродье? погоди, я тебе задам!

Страх у Алты сменился злостью и отчаянием, ему сейчас все было трын-трава! Он поднял с земли свой чабанский посох, угрожающе крикнул:

— Попробуй подойди!

Рядом с баем Алты выглядел совсем крохотным и щуплым, но посох, который он держал в руке, был увесистый и лицо подпaska пылало такой отчаянной решимостью, что бай попятился, опустив плетку.

— Я еще с тобой разделаюсь...

Алты крепче сжал посох:

— Только тронь — голову размозжу!

Две пары глаз с ненавистью впились друг в друга. В глазах подпаска пламенело бесстрашие. Не выдержав его взгляда, Поррук-бай отвернулся. С этим волчонком опасно связываться, еще и вправду проломит голову своей палкой. Или, того хуже, бросит отару, и был таков! И кто знает, что случится с отарой, пока он, Поррук-бай, будет искать другого подпаска.

Бай через силу улыбнулся:

— Алты, сынок, ты уж не держи на меня сердца. Сам знаешь, когда я распалюсь, лучше не попадаться мне под руку. Моим детям тоже от меня достается. Ай-яй, прямо собачий характер! Сам от него страдаю, да ничего не могу с собой поделать. Не сердись на меня, Алты, я ведь в отцы тебе гожусь. Уж прости меня, грешного!

Лживая речь бая еще пуще разозлила Алты. Он плюнул на посох, вскинул его на плечо, круто повернулся и зашагал прочь.

Бай, стараясь придать своему голосу смиренность и умильность, закричал ему вслед:

— Алты, сынок! Постой! Куда же ты?

Подпасок на ходу обернулся, размахнулся, метнул в бая свой посох, но не попал: посох, подпрыгнув на песке, угодил в костер, расшвыряв тлеющие угли.

Поррук-бай громко выругался.

А подпасок все удалялся: вскоре его маленькая фигурка растаяла в туманном, морозном воздухе...

4

Алты шел и шел куда глаза глядят. Его худые чокаи то приминали пожухлую траву, то вдавливались в песок.

Пустыне, казалось, не было ни конца ни края. Холмистые

места сменялись низинными, густо поросшими саксаулом и другой растительностью, просторные голые такиры¹ — равнинами, с чахлой, скудной колючкой, равнины — сплошными песками. Алты полагал, что весь мир — это Каракумы...

Чтобы хоть на глазок определить, где он находится, Алты поднялся на высокий холм, огляделся. Слабый ветерок поджимал к горизонту серые тучи. На небе белесо засияло солнце, но его лучи не грели. Легкий морозец щипал щеки Алты.

Кругом ни души. Куда ни глянь, всюду пустыня, унылая, однообразная. Казалось бы, тут можно ориентироваться только по солнцу, но Алты вырос в пустыне. Он был опытным путником, зорким следопытом, издали мог отличить овцу от барана, по следам угадывал, кто здесь прошел и давно ли. Растения, барханы — все подсказывало ему, куда идти. Если бы даже его оставили в песках с завязанными глазами, Алты и то добрался бы до дому.

И сейчас он был в замешательстве не потому, что заблудился — он легко нашел бы дорогу! — а потому, что просто не мог решить, идти ли ему домой или в другой аул. Куда ни кинь — все клин! Правда, в родном ауле его ждала материнская ласка.

— Мама, бедная мама! — прошептал Алты и сбежал по склону холма вниз.

Как ему хотелось в эту минуту очутиться в материнских объятиях! Но с какими глазами заявится он к родным? После такого долгого отсутствия придет жалкий, оборванный, побежденный. И братья со злорадными ухмылочками начнут его подковыривать:

«Герой! Богатырь! Ай-яй, сколько овец пригнал домой! И не сосчитать. Хорошенько следи, как бы не затесались

---

¹ Та к и р — ровная глиняная площадка в пустыне, лишенная растительности.

в чужую отару. Не скликнуть ли земляков, чтобы сладили загон для твоих овечек? ...»

Да если даже дома встретят его радостью, а не попреками, Алты от этого легче не будет.

Нет, гордость не позволяет ему вернуться в дом с пустыми руками! Хоть Алты и немного лет, но у него тоже есть самолюбие!

Как же быть, куда податься?

Краем уха он слышал, что в его родном краю произошли большие перемены: установлена новая, Советская власть, что все теперь равны и свободны. Только на себе он этих перемен еще не ощущал. В степях продолжали хозяйничать баи.

Исхудалый, ослабевший, Алты брел по пустыне, сам не зная куда. Голод гнал его вперед. Ноги увязали в песке, к штанам, латанным-перелатанным, цеплялись колючки.

Бескрайние Каракумы простирались перед Алты...

5

Аул, куда Алты приплелся под вечер, назывался «Кырк-кую» — «Сорок колодцев». Алты забрался в самую глубь пустыни, где каждая капля воды ценилась на вес золота.

Со всех сторон к аулу на ночлег тянулись вереницы верблюдов. Хотя Алты за короткую жизнь довелось немало пови-
дать, но столько верблюдов сразу он еще нигде не встречал. Их было так много, что казалось, земля дрожала под их медлительными шагами. Густыми тучами стелились они по пустыне. И, следуя за этим нескончаемым верблюжьим потоком, Алты подумал: «Ну и силища! Дал же аллах богатство здешним баям! У нас-то в ауле верблюдов раз, два — и обчелся, а тут их, видать, по сотне у каждого! — Он облизнул пересохшие губы. — Наверно, байские сынки часто лакомятся сливками из верблюжьего молока! ...»

Самому Алты еще ни разу не пришлось попробовать таких сливок: ему казалось, что молоко у верблюдов вкусное-превкусное!

Аул состоял из нескольких рядов кибиток. Алты остановился в раздумье: в какую бы из них заглянуть? Как угадать, где его встретят приветливо, радушно? Долго он так стоял, пока не облюбовал ряд, в котором выделялась красивая белая кибитка. Алты окликнул проходившего мимо мальчишку:

— Эй! Скажи-ка, чья это кибитка?

— Таяклиевых! — на ходу бросил мальчик: он, видно, торопился.

Алты крикнул ему вслед:

— А кто они такие?..

— Старшего зовут Янык Таякли!

«Янык Таякли — Обгорелый с палкой. Ну и имя! — подумал про себя Алты. — От такого не жди добра».

Но он тем не менее направился к кибитке Таяклиевых: не все ли равно, к кому проситься на работу?

Возле белой кибитки Алты столкнулся с седым могучим стариком — это и был глава рода Таяклиевых. По обычаю, к гостям, забредшим в аул, кем бы они ни были, обращаются с уважительным приветствием: «Добро пожаловать, дорогой гость!» Но Алты не дождался этих слов от великана старика: то ли тот посчитал его малолеткой, не достойным приветственного ритуала, то ли был жаден и любой гость вызывал в нем неприязнь и настороженность.

Обескураженный такой встречей, Алты все же надеялся, что хозяин пригласит его в кибитку. Но старик вместо этого принялся за дотошные расспросы:

— Куда путь держишь, сынок?

Алты пожал плечами:

— И сам не знаю.

— Может, ищешь пропавшую скотину?

— Да нет...

— Откуда родом?

— Из Теджéна.

— Из Теджена? Каким же ветром тебя занесло в Кырк-кую?

— Ищу работу.

— Так... Значит, работу ищешь. Верблюдов смог бы пасти?

— Не пробовал. Но, может, справлюсь!

— Так... Не пробовал. А что же ты умеешь делать?

— Я подпаском был... В отаре.

Старик окинул Алты критическим взглядом:

— Подпаском!.. Мал ты еще для подпаска.

Алты обиженно насупился:

— Мал не мал, а чабаны на меня не жаловались.

— Чью отару пас?

— Поррук-бая.

— Отчего же ушел от него?

В голосе старика звучали нотки подозрительности, и Алты счел за лучшее соврать:

— Мама у меня захворала. Попросила, чтобы побыл с ней. Я задержался в ауле, а вернулся, гляжу, Поррук-бай уже взял другого подпаска.

— Как тебя зовут?

— Алты.

Старик пожевал губами:

— Подпасок-то мне нужен. — Он опять с сомнением посмотрел на Алты. — Уж больно ты мал!

— А вы испытайте меня, бай-ага! — задорно сказал Алты.

— И то правда. — Бай, видно, и впрямь нуждался в работниках. — Ты, наверно, притомился. Поешь, выпишь как следует, а завтра поговорим. Утро вечера мудренее. Пойдешь во-он туда. — Он показал на крайнюю кибитку и крикнул: — Эй! Накормите подпаска!..

Недоверие, с каким Янык-бай поначалу отнесся к Алты, постепенно рассеялось. И скоро бай нахвалиться не мог новым подпаском. Алты любовно ухаживал за овцами. Не прошло и нескольких дней, а он уже знал их как свои пять пальцев и мигом мог определить состояние каждой овцы.

— Вот та, белолобая, — объяснял он Янык-баю, — разродится еще до начала окота. А коричневая все время отстаёт от отары, похоже, принесет тройню. Серая со вчерашнего дня хромает, а ноги целые. Ей, верно, дурной сон привиделся, вот и спотыкается с перепугу.

Бай улыбался:

— Алты, сынок, разве овцы могут видеть сны?

— А как же! — горячо уверял Алты. — Они даже что-то бормочут во сне!

Бая забавлял этот разговор, он продолжал допытываться со снисходительной усмешкой:

— И ты знаешь, что им снится?

— А как же! — Алты и сам увлекался своей выдумкой. — Еще как знаю! И знаю, как им помочь, если сон дурной. Хотите, я вылечу эту серую?

— Ну-ну...

— Дайте ей немного соленой каурмы¹ — сразу поправится!

— Овце — каурму?

— Бай-ага!... — У Алты самого подводило живот. — Ведь каурма обладает целительной силой!..

Поняв, на что намекает подпасок, бай от души смеялся:

— Алты, я вижу, серая овца неспроста захромала — просится под нож. Ты ее прирежь, мясо заверни в шкуру, я заберу с собой. А потроха пусть вам останутся.

Алты только того и добивался...

---

¹ К а у р м а — мясо, жаренное в сале.

Как-то ранней весной Алты пас отару неподалеку от аула. Он испек на горячих углях лепешку и сдувал с нее золу. В это время кто-то окликнул его. Алты обернулся на голос — перед ним стоял брат, Джотдук. Лепешка выпала из рук Алты в костер. С минуту он от растерянности не мог пошевелиться, а потом вскочил на ноги, бросился к Джотдуку, прижался к нему всем телом, заплакал, но постарался скрыть слезы от брата.

— Мама... — выдохнул Алты. Он хотел спросить, здорова ли мама, но голос его предательски задрожал, больше он не в силах был вымолвить ни слова.

Немного успокоившись, Алты угостил брата чаем и принялся жадно расспрашивать, как живут мать, братья, приятели... Джотдук рассказал, что они искали Алты. Бегхан десять дней гонял по пустыне и вернулся ни с чем. Мать глаз не спускает с дороги, все плачет и причитает: «Алты, маленький мой, куда же ты исчез? Скоро уж год, как пропал, где ты, что с тобой, жив ли, здоров ли? Если жив, почему не даешь знать о себе, не проведаете свою старую мать?»

— Вот так и льет слезы, днем и ночью, — вздохнул Джотдук. — Тает, как воск. Мы уж изболелись, глядя на нее. Ну я не выдержал, решил попытать счастья, двенадцать дней как мотаюсь по пустыне, все из-за тебя, непутевого! А, да вовсе и не из-за тебя — из-за матери. Когда только ты перестанешь мучить ее?

— Я сам, думаешь, не мучаюсь? ..

— А кто тебя заставляет? Бросай отару, и айда домой!

— Я ведь нанялся на полгода...

— Что с того? Растолкуем баю, что к чему, он тебя и отпустит!

Алты задумался, потом решительно произнес:

— Нет, Джотдук. Никуда я пока не пойду.

— Что тебя держит, братишка?

Алты не стал признаваться, что не хочет возвращаться

в семью с пустыми руками. Вместо этого он начал солидно объяснять:

— Я же обещал Янык-баю. Мужчина должен быть хозяином своего слова! А потом, скоро окот. Как я брошу овец?

— Бай так богат, что легко найдет себе другого подпаса.

— А зачем ему другой? Он говорит: если я уйду — это для него все одно, что потерять сына...

— Гляди, как он тебя любит! — усмехнулся Джотдук. — А попроси у него прибавку к жалованью, небось и слушать не захочет.

— Вот и неправда! Он сам обещал мне еще двух баранов сверх положенных.

— Сколько же тебе положено?

— За полгода шесть баранов.

— А у кого ты до этого пас овец?

— У Поррук-бая.

— И много заработал?

Али опустил голову.

— Что язык-то прикусил? — рассердился брат. — Я спрашиваю: сколько баранов ты получил от Поррук-бая? Отвечай!

Алты через силу выдавил:

— Ничего не получил.

— Как так? Этот скряга надул тебя?

— Да нет... Я поругался с ним... и ушел.

— Все равно он обязан был заплатить тебе за то время, какое ты у него проработал, — рассудительно сказал Джотдук и с подозрением взглянул на брата. — Или ты натворил чего-нибудь? С тебя ведь станется!

— Ничего я не натворил. Это буря натворила. В бурю два барана пропало.

— И Поррук-бай выгнал тебя, не рассчитавшись?

— Да говорю же, я сам ушел.

Джотдук смотрел на брата все более испытующе:

— Ой, что-то ты петляешь, Алты! Может, он бил тебя? Тогда пусть не ждет пощады!

Алты, зная горячий нрав Джотдука, решил скрыть, что Поррук-бай отхлестал его плеткой.

— Не связывайся с ним, Джотдук. Не трогал он меня... Брат сказал, как о чем-то решенном:

— Значит, так. Я заберу у Поррук-бая твоих овец. А ты рассчитывайся с Янык-баем. Вместе вернемся домой.

Но Алты все упрямылся:

— Нельзя мне сейчас уходить!

— А я говорю: уйдешь!

Джотдуку было опасно перечить — мог и уши надрать.

— Ну, Джотдук!.. Ну подождем до окота!..

— Дался тебе этот окот! Тебе-то какой прок от него?

— Я... я люблю ягнят. И вдоволь молока напьюсь...

На Джотдука подействовали не столько доводы брата, сколько смиренный тон. Он почесал в затылке, согласно кивнул:

— Ладно уж, оставайся. Что матери-то сказать?

Алты оживился:

— Привет передай! Скажи, что скучаю. Двух баранов я уже получил, гони их домой, это подарок маме. Скажи, что через три-четыре месяца вернусь с остальными баранами.

— Ладно. Скажу.

Джотдук смотрел на брата с сочувствием. Такой малыш, а уже старается помочь семье, хотя сам и оторван от нее. Он вздохнул:

— Ох, нелегко достается хлеб бедняку! Когда же мы прижмем баев?

— Янык-бай добрый!

— Все они добрые к своим карманам. Уж так о них пекутся! Ладно, Алты. Мы ждем тебя...

Весна делала первые шаги по земле, но уже вовсю светило солнце...

Наступила пора окота. Чабаны и подпаски берегли ягнят пуще глаза. И не только из-за желания угодить хозяину, нет, они от души заботились о слабых, беззащитных детенышах, испытывая к ним искреннюю нежность. Ночи были еще холодные, ягнята могли замерзнуть, и Алты прижимал новорожденных к себе, обсушивая жаром своего тела, ласково гладил по шелковистой шерстке и спешил накормить.

Отары, в поисках травы посочней, все удалялись и удалялись от аула. Окот продолжался. Хлопот хватало и подпаскам, и чабанам, и хозяину. Янык-бай подбадривал Алты: — Старайся, сынок, старайся!..

Когда выдавались солнечные дни, все вздыхали с облегчением. Ягнята быстро обсыхали и становились на ноги. Зато в ненастье чабанам приходилось глядеть в оба.

Однажды после полудня погода резко переменилась. Солнце скрылось за тучами, черными, мохнатыми, как овечьи шкуры. Порывами налетал ветер. И вскоре на землю упали первые крупные капли дождя.

Встревоженный, чабан повернул отару к загону. Тьма вокруг все сгущалась, дождь лил как из ведра. Еще не окотившиеся овцы стали отставать, прятались в кустах. Алты с трудом разыскивал их, подбирал промокших, дрожащих от холода ягнят, относил в яму. Нужно было спешить. Алты носился по темной степи как угорелый. Раскаты грома оглушали его, молнии слепили глаза.

Судя по всему, дождь зарядил надолго. Он шел и вечер и ночь. Становилось все холодней. Отставшим овцам, которых еще не удалось собрать, грозила гибель. Алты устал, продрог, вымок до нитки, но надо было продолжать розыски. Он наткнулся на двух ягнят, отбившихся от отары, взял их на руки и замер на месте: куда же идти, в какой стороне загон?... Подпаска окружала плотная ночная мгла: ни огонька, ни звездочки. Он побрел наугад. Промозглый ветер про-

бирал до костей, Алты лихорадило, кружилась голова, он еле держался на ногах. Вконец измученный, мальчик выронил ягнят, шатаясь, пошел дальше — во мглу, в дождь, который все лил и лил. Земля хлюпала под ногами. Алты поскользнулся, упал, попробовал подняться, но не смог. Вдруг он почувствовал, как что-то теплое прильнуло к нему, словно его с одного бока прикрыли влажной тяжелой шубой — ичмёком. С нее стекала вода, но она грела.

Алты протянул руку, нащупал мокрую курчавую шерсть. Рядом лежала овца: тоже, видать, заблудилась. Два дрожащих, несчастных существа плотнее прижались друг к другу, Дождь, холод, ветер...

Последние силы покидали Алты.

Сквозь ночь до него донесся крик чабана:

— А-алты!.. Эге-ей, Алты-ы!..

Алты отозвался и не услышал собственного голоса. Он попытался ползти вперед, но ослабевшее тело не слушалось.

Ему вспомнилось, как совсем маленьким он, купаясь, чуть было не утонул; тогда он кричал что есть мочи: «Мама! Мама!» А сейчас не было сил ни кричать, ни шевелиться...

Скоро совсем похолодало, пошел снег.

Алты в беспамятстве лежал на мокрой, студеной земле, обнимая замерзшую овцу...

8

Река Теджён почти каждую весну выходила из берегов. Полые воды размывали земляную плотину Каррыбент¹ и, прорвавшись, обрушивались на поля, уничтожали посевы. Вешний поток оставлял за собой топкие озерца, а в четырех каналах вода совсем иссякла, и это тоже грозило бедой пшенице и людям...

Вот оттого-то каждую весну аулы выделяли сотни людей охранять плотину. Окрестное население облагалось своеобразной данью: оно было обязано заготовить плетеные щиты из гребенчука, что рос по берегам Теджена. Этими щитами обкладывали плотину, но толку было мало: гребенчук не мог служить серьезной преградой разбушевавшемуся паводку.

Возле плотины теснилось множество шалашей, сложенных из камыша и хвороста. С шалашами соседствовали убогие землянки. Горький дым от сырого гребенчука окутывал жалкие жилища. А ютились в них в основном старики, калеки и подростки: охранять плотину посылали лишь нетрудоспособных.

Жителям шалашей и землянок вменялось в обязанность: следить, чтобы паводок не размыл плотину. Но что они могли сделать? На тяжелую, сложную работу у них не хватало сил.

---

¹ К а р р ы б ё н т — Старая плотина.

Они носили в мешках землю к плотине, подправляли плетеные щиты из гребенчука. Только это было все равно, что таскать воду в решете. Стоило паводку пробить в плотине хоть малую брешь, и он снес бы и щиты, и жилища сторожей. Ничто не могло бы остановить могучий поток!..

И, сознавая тщетность своих потуг, вся эта увечная, нищая братия, полуголодная, одетая в отрепье, большей частью бездельничала. Сторожа собирались группами, слушали певцов и музыкантов; здесь часто можно было услышать одобрительный шум, подбадривающие выкрики:

— Громче!.. Веселей!.. Ай, молодец!..

Музыка и песни служили бедолагам духовной пищей. За работу им не платили ни гроша. Силы свои они поддерживали харчами, прихваченными из дому. Это была убогая еда. Ведь и дома тоже жили впроголодь. Обычная трапеза сторожей состояла из черствого хлеба, который запивали жиденьким чаем. Если раз в неделю удавалось похлебать супа, это был для них праздник!

Среди сторожей находился и Алты. После памятной непогодной ночи он три месяца провалялся в лихорадке и совсем обессилел. За это время «добрый» бай ничего не заплатил подпаску, и Алты решил уйти от него. Добравшись до Каррыбента, он пристроился к группе сторожей, готовил для них чай и еду. Когда вода закипала на костре, сложенном из чадащего гребенчука, он бросал в кумган¹ с отломанным носиком несколько крупинок чая и зазывно кричал:

— Эй, идите чай пить! Крепкий чай! Душистый чай!

Вокруг костра собирались сторожа. Вид у них был жалкий, тела едва прикрыты лохмотьями, но, заражаясь веселостью Алты, они перешучивались, смеялись. Алты разливал чай по надтреснутым, выщербленным пиалам и играл для своих товарищей на туйдуке. Он играл и вспоминал раздольные степи, где пас овец, вспоминал верных собак, даже ища-

---

¹ К у м г а н — чайник.

ка, с которым любил возиться. Хотя он чуть не погиб в пустыне, его неудержимо тянуло на степной простор.

Как-то самый старший из их группы, хромой сторож, предложил:

— Эх, была не была!.. Закатим-ка нынче пир!

Его дружно поддержали:

— Верно! Давно уж пора!

Алты радостно захлопал в ладоши:

— Ай, молодцы, здорово придумали!

Он взял туйдук и, подыгрывая на нем, чуть раскачиваясь, звонко запел:

Если бог одарит силою,
Даст мне крылья — ввысь взлечу я!
Если встречу мою милую —
Обниму и расцелую!

Сторожа жадно внимали озорной песне Алты. Старший дернул его за полу халата:

— Эй, с какой это радости ты распелся?

— Как — с какой?.. Ты же сам сказал: закатим пир. Как тут не обрадоваться!

— Ах, пир? Ну да, пир!

А закатить пир для сторожей означало: наварить вдоволь супа и наестся до отвала.

Стали подсчитывать: на шестерых нужно купить полтора фунта мяса — тридцать копеек, пятьдесят граммов чая — десять копеек. Каждый из сторожей давно уже мечтал полакомиться городским белым хлебом. Хлеб — двадцать копеек.

Всего получилось шестьдесят копеек — по гривеннику с брата.

С грехом пополам наскребли эту сумму. И, посоветовавшись, сказали Алты:

— Ты самый молодой, вот тебе деньги, пойдешь в город, купишь там все, что нужно.

Алты, сам не свой от радости, вприпрыжку понесся по дороге, ведущей в город. Он был в Теджене лишь однажды, несколько лет назад, со старшим братом. Брат купил ему немного халвы — на всем свете не было ничего вкусней этой халвы! — Алты до сих пор помнил ее вкус. Ох и сладкая же! Вот бы еще раз ее отведать. В городе-то завались этого лакомства! Только что проку? Карманы у Алты пустые, нечего и думать о халве. Недаром же говорится, что халва достается хакимам¹, а сиротам лишь тумак.

9

Вот и Теджен. Алты словно попал в другой мир. Еще на подходе к городу он увидел поезд: паровоз, гудя и грозно пыхтя, тянул за собой вереницу вагонов. Земля содрогалась под его огромными колесами. Он показался Алты чудовищем из сказки: не иначе, как нечистая сила двигала его стальными суставами! Это было страшное и интереснейшее зрелище!

А город оглушил Алты грохотом повозок, переливчатым трезвоном колокольчиков на фаэтонах. Алты глядел на них во все глаза и с изумлением думал: «Неужели же есть счастливцы, которые могут раскатывать в этих нарядных фаэтонах?»

Дразнящие городские запахи щекотали ему ноздри. Он заглядывал в магазины, глазел на многоцветные ткани и, рассматривая собственную одежду, вздыхал: «Ведь есть же счастливики, что шьют себе брюки из добротного сукна, вот такого, как в этой витрине...»

И Алты решил: как наступит лето, он опять наймется на работу к какому-нибудь баю, купит дорогое сукно и сошьет себе брюки. Приятели лопнут от зависти! И чокаи добудет новые. Нет, к черту чокаи, он приобретет черные блестящие

---

¹ Х а к ы м — правитель.

сапоги со скрипом, а на голову водрузит мохнатую папаху. И все будут звать его не Алты Карли, а Алты-хан!

Он вновь критически оглядел себя и вздохнул: «Эх, размечтался! На плешивой голове волосам не вырасти».

Алты шагал посередине мостовой: не знал, что в городе полагалось ходить по тротуарам. Встречные экипажи объезжали его, возницы смеялись. Все здесь изумляло и пугало Алты. Заметив человека в форменной фуражке, мальчик боязливо обходил его стороной.

Вдруг на одном из углов он увидел продавца, весело расхваливающего свой товар:

— Халва кунжутная! Халва ореховая! Халва волокнистая! Сладкая, дешевая, во рту тает, налетай, хватай! Слаще лакомства нет — не жалеё монет! Хочешь стать хакимом не во сне, а наяву — покупай халву!

На лотке перед продавцом манящими горками высилась халва разных сортов. Алты вспомнил о той, которую покупал ему брат. Ах, до чего же она была сладкая, пальчики оближешь! Он стоял как замороженный возле лотка, не в силах оторвать глаз от халвы. Но денег у него не было...

Алты зажмурил глаза и поспешил прочь от лотка, но, не пройдя и нескольких шагов, вернулся. Небрежно спросил у продавца:

— Хозяин, почем халва?

— Один фунт — двадцать копеек.

Алты не представлял себе, много ли халвы в одном фунте, и задал вопрос по-иному:

— Ты скажи, сколько надо заплатить, чтобы наесться твоей халвы досыта?

Кто-то, однако, уже успел испортить продавцу настроение, он был зол и грубо рявкнул:

— А ну, убирайся отсюда!

Алты округлил глаза, разыгрывая преувеличенное удивление и обиду:

— Ты чего бранишься? Что я тебе сделал плохого?

— Ты-то? Ты тут ни при чем!

— А кто при чем?

— Так... одна скотина.

— Какая скотина?

Продавец сморщился, как от зубной боли:

— Ну что пристал? Сказано тебе, фунт халвы стоит двадцать копеек. Хочешь — бери, не хочешь — ступай своей дорогой и не морочь мне голову.

Алты страх как хотелось разузнать, на кого сердится продавец. В его глазах светилось такое любопытство, что продавец смягчился и все ему рассказал: надо же было кому-нибудь излить душу.

Оказывается, за минуту до Алты к лотку подошел какой-то толстяк и тоже, как Алты, принялся допытываться, за какую сумму продавец досыта накормит его халвой. Тот прикинул про себя: «Даже этому пузатому больше полутора фунтов не съесть — это тридцать копеек. Запрошу-ка я с него за все сорок, хоть гривенник, да выгадаю...» Толстяк бросил на лоток сорок копеек и накинулся на халву с такой жадностью, что продавец не успевал отвешивать ее и подавать пузатому. В мгновение ока он, как удав, заглотал три фунта. Продавец чуть не лопнул от злости и досады, а толстяк спокойно проговорил: «Что ты ее взвешиваешь? Мы же договорились, за сорок копеек кормишь меня досыта. А я твою халву толком еще и не распробовал. Дай-ка мне во-он ту пирамидку». Он ткнул пальцем в самый большой халвовый холм. Продавец трясущимися руками придвинул к нему халву, толстяк, как тигр, впился в нее зубами. Продавец не успел и глазом моргнуть, а уж халвы как не бывало! Стало ясно, что этот обжора способен слопать всю халву. Продавец швырнул толстяку сорок копеек, яростно прохрипел: «Скотина! Забирай свои деньги и проваливай. Ну!»

Вот оттого-то он и был так зол и сорвал зло на Алты.

Алты слушал его с жадным любопытством — он любил всякие занятные истории! И, слушая, зримо представлял

себе и ненасытного хитрюгу покупателя, и взбешенного продавца. Он даже по ходу рассказа попробовал изобразить, как вел себя толстяк. Наверно, вышло похоже: продавец рассмеялся и окончательно подобрел к пареньку. А Алты снова воззрился на горки халвы. Сил не было удержаться от соблазна! Он сунул руку в карман, нащупал монеты, завернутые в уголок платка, вздохнул — монет ни убавилось, ни прибавилось, и у каждой свое назначение. Но искушение было слишком велико, и Алты подумал: а что если купить вместо полутора фунтов фунт мяса? Никто и не заметит. Он извлек из платка гривенник, протянул его продавцу:

— Отвесь-ка полфунта!.. Вон той, кунжутной.

Эти полфунта словно растаяли у него во рту. Алты показалось, что он и не ел халвы, лишь раздражил себя.

В это время к лотку подошел какой-то верзила, купил халвы, начал грызть ее, смачно причмокивая. Смотреть на это было пыткой, и Алты, еще не успев ни на что решиться, вдруг услышал собственный голос:

— Хозяин! Свешай-ка еще полфунта.

Он с наслаждением уплетал халву, но и, погрузившись в блаженство, не лишился обычной наблюдательности. Неподалеку от себя приметил подозрительного человека, оборванного, обросшего. Руки оборванца были засунуты в карманы, словно он что-то искал там; взгляд, жадный, алчный, плутоватый, прилип к халве, которую ел Алты, а с толстых губ, казалось, готова была сорваться просьба: «Эй, малый, дай-ка и мне хоть кусочек!» Алты крепче сжал пальцами остатки халвы — как бы оборванец не отнял ее! — и с удивлением подумал: «Вот чудеса-то! Есть еще люди, которые и от меня ждут подачки!»

Доев халву, он почувствовал, что наконец насытился, и стал соображать, как ему теперь выкрутиться. «Осталось сорок копеек. На двадцать я куплю фунт мяса, на двадцать — белого хлеба. Спросят, почему так мало, скажу, что мясник обманул: я отвернулся, а он, наверно, в это время снял гирю

с весов. А если спросят, где чай? Что бы придумать? А, скажу, что ларек был закрыт. Да, небось они знают, что ларьков в городе уйма! К тому же потребуют, чтобы я вернул гривенник. А я скажу, что потерял его по дороге. И выверну карман, и покажу дырку в кармане, надо заранее продырявить».

Продавец с изумлением смотрел на гримасничающего, жестикулирующего Алты. А тот снова завязал деньги в платок и положил в карман, не заметив, что кончик платка торчит из кармана...

У мясного ларька он почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд, обернулся, за ним неотступно следовал оборванец! Но Алты было не до него. В ларьке рядами висели бараньи туши. Мальчик уставился на них и, как всегда, размечтался: «Эх, приготовить бы соус поострее, да наесться до отвала баранины!» Ему припомнилось, как однажды чабан зарезал барана, и Алты ел сколько влезет. Счастливые минуты! Он вздохнул и обратился к мяснику:

— Хозяин! Свешай-ка мне фунт вон тех жирных ребер!

Мясник взмахнул острым широким ножом, взвесил кусок мяса, завернул его в желтую промасленную бумагу.

— Выкладывай двадцать копеек.

Алты полез в карман за деньгами и обомлел: заветный платок исчез! Алты лихорадочно шарил по карманам, крутился, как собака, над которой жужжит оса, — денег и след простыл. Куда же они могли подеваться?

Он оглянулся — улица была пуста. А где же оборванец, что тащился за ним? Алты вдруг осенило, он хлопнул себя кулаком по лбу, воскликнул: «Ах ты проклятая борода!» — и пулей понесся по улице. Он даже не слышал, как мясник кричал ему вслед:

— Эй, мальчик! Куда же ты? А мясо?

Алты почему-то решил, что настигнет бородача возле лотка с халвой, но там его не было. Алты обежал все окрестные улицы, оборванец как сквозь землю провалился.

Бедняга не знал, что и делать. Ладно, он мог покаянно признаться, что часть денег потратил на халву, клятвенно пообещать сторожам при первой же возможности вернуть им эти деньги. Они бы его простили. Но кто поверит, что остальные деньги у него украли? Подумают, тоже проел.

Занятый невеселыми мыслями, Алты брел по улицам, понунив голову, ничего не замечая вокруг. Он то и дело сходил с тротуара на мостовую, чуть не столкнулся с ишаком, на котором трясся караванбашй — погонщик верблюдов. Тот заорал:

— Эй, дурень! Не видишь, куда прешь?

Усатый парень, восседавший на рыжем иноходце, чуть не наехал на Алты и тоже закричал:

— Посторонись, раззява!

Алты, пошатываясь, доплелся до канала Бек, вступил на мост. Под мостом, разделяясь на пять рукавов, текли вешние воды, мутные и тяжелые. Алты смотрел в воду, но видел не свое отражение, нет. Перед ним, как из тумана, возникли жалкие, пропитанные едким дымом землянки сторожей; в одной из них, томясь ожиданием, сидели его товарищи, они ждали возвращения Алты; им мерещился аппетитный запах мясного супа. Мог ли он вернуться к ним, голодным, мечтающим о «пире», с пустыми руками? Целую неделю они не ели горячего, истосковались по простой похлебке и теперь предвкушали удовольствие — вдоволь поесть супа с белым хлебом и запить его крепким чаем. Алты хорошо их понимал: ведь он был таким же бедняком, как и они. Вернись он ни с чем, как же будет смотреть им в глаза? До сих пор он ни разу их не подвел, не обманул, они верили ему. Возможно, и теперь поверят каждому его слову, что бы он там ни наплел. Но каково ему-то будет видеть, как они в молчаливом отчаянии опустят головы и долго так просидят, ковыряя пальцами землю. Нет, он этого не выдержит. Он не вернется к сторожам! А куда идти? Домой? Но что он скажет своим братьям? Они ведь знают, что он на плотине. Сболтнуть, что

сторожей распустили по домам? Сейчас на плотине самая напряженная пора — вот-вот начнется паводок. Это всем известно. Признаться, что сбежал? Тогда не миновать доброй трепки: он уже чувствовал, как на его спине пляшет увесистая палка. Нет, и домой ему путь заказан.

И вдруг перед ним, будто наяву, распахнулись просторы Каракумов. Он увидел кусты саксаула, наливающегося жизнью, колючки с неправдоподобно яркими цветами, осоку, изумрудно зеленеющую под лучами солнца. Пустыня! Какая там весной красотища! Но там же и Поррук-бай, сжимающий беспощадную плетку. А, не сошелся же свет клином на Поррук-бае! И непогоды уже нечего бояться — весна в разгаре. И окот в разгаре, молоко льется рекой.

Славно сейчас в степи!

И Алты решительно зашагал из города, обездолившего его, по направлению к Каракумам. Он шел по дороге, высушенной солнцем, и слабая пыль взлетала из-под ног...

10

Прошло несколько лет.

Наступил тысяча девятьсот двадцать шестой год.

Лето в том году выдалось изнурительно-жаркое. Трава пожухла от зноя; низкорослые кусты, саксаул — все было каким-то вялым, бессильным.

После полудня жизнь в пустыне совсем замирала.

В один из таких знойных дней у колодца, вырытого в песках, расположилась большая отара. Овцы дремали на солнцепеке. Возле навеса, где прятались от солнца чабаны, в тени лежали два сторожевых пса; они тяжело дышали, высунутые языки свешивались чуть не до земли. Лишь верблюдам, с помощью которых вытягивали воду из колодца, жара, казалось, была ни о чем. Они свысока, с гордым презрением смотрели на разомлевших от зноя животных. Но и им лень

было пошевелиться; издалека их можно было принять за изваяния из глины.

Томительный покой... Неподвижность...

И чудилось: все окружающее убаюкано песней туйдука, на котором играл загорелый юноша, примостившийся под навесом.

Это был Алты.

Отара, которую он пас, верблюды, колодец — все принадлежало его новому хозяину, Багыбék-баю. Алты работал у него подпаском вот уже больше трех лет. За это время он вытянулся, возмужал, лицо прокалили солнце и ветры, на щеках и верхней губе пробивался темный пушок. Сам Алты считал себя уже совсем взрослым и досадовал, что его все еще держат в подпасках. Он мог бы быть и чабаном; чабаны зарабатывали втрое больше, чем подпаски. Но бай попался жадный, расчетливый, он спрашивал с Алты как со взрослого, а платил гроши. Алты уже подумывал, как бы удрать отсюда. В любом другом месте ему наверняка платили бы как чабану.

В этот полдень Алты остался при отаре один: чабан ушел к соседям. И в лад своим невеселым мыслям подпасок выводил на туйдуке грустную, заунывную мелодию.

Чьи-то шаги заставили его прервать песню и резко обернуться.

К навесу приближались два путника. Они вели в поводу верблюда. Один из них был неприметен, другой сразу обращал на себя внимание — он многим отличался от местных жителей: одежда и сапоги брезентовые, на голове соломенная шляпа. Она делала его похожим на гриб. Усы густые, но аккуратно подстриженные, нижняя губа короче верхней, из-за этого два передних зуба выступали наружу. Но лицо доброе, усмешливое.

Подойдя, он поздоровался с Алты по всем правилам приветственного церемониала, справился о его здоровье и лишь после этого спросил:

— Сынок, у тебя чала¹ не найдется?

Алты кивнул:

— Найдется.

— Будь добр, налей миску, а то совсем уморились.

Он говорил чуть глуховато. Алты посмотрел на него с любопытством.

— А вы кто такие? Куда путь держите?

Незнакомец сел на войлочную кошму, снял пропотевшую шляпу, отбросил ее в сторону, взмолился:

— Ты бы лучше с чалом поторопился, а не с расспросами! Меня зовут Мотды! Подробности после.

Спутник Мотды, худощавый, с жидкой бородкой, сидел, скрестив ноги, прямо на песке и помалкивал. Алты решил,

---

¹ Ч а л — кислое верблюжье молоко.

что это провожатый. Юношу распирало от любопытства, но гостей мучила жажда, и Алты, не мешкая, наполнил миску сюзьмой¹, развел ее водой из колодца; колодец был закрытый, глубокий, и вода в нем холодная, несмотря на жару. Мотды залпом выпил две миски подряд; на лбу, на щеках, даже на подбородке, заросшем черной щетиной, выступили крупные капли пота, а взгляд посветлел, оживился. Теперь Мотды был уже готов удовлетворить любопытство Алты:

— Я, сынок, батрачком. Знаешь, что это такое?

Глаза у Алты округлились:

— Батырачком? Это по-нашему — сильный, когда голодный.

Мотды громко рассмеялся:

— Нет, брат, я и на сытый, и на голодный желудок не слишком сильный!

Алты, подперев кулаками подбородок, раздумчиво смотрел на незнакомца:

— Батырачком. Что же это за слово такое?

— Батрачком, сынок! Понял? Это русское слово. А означает оно... Ну, это такой комитет. Заступник батраков.

У Алты голова шла кругом от незнакомых слов.

— Патраков?² Это которые из кукурузы? А чего за них заступаться?

Мотды от смеха затрясся всем телом:

— Ой, уморил! Ха-ха! Из кукурузы! Нет, сынок, батраки — это наемные работники у баев. Чабаны, подпаски, вот ты, например!

— Я — батрак?

— Ну, да. И батрачком защищает твои интересы.

— Чудно! — недоверчиво протянул Алты.

— Что же тут чудного?

— От чего же меня защищать?

---

¹ С ю з ь м á — кислое молоко, разведенное водой.

² П а т р á к — жареная кукуруза.

— Как — от чего? Вот, положим, бай платит подпаску гроши, бьет, измывается над ним. Или заставляет работать сверх положенных часов.

— А что такое часы?

— Как? Ты и этого не знаешь? — искренне изумился Мотды.

Алты мотнул головой:

— Нет. Не знаю.

— Ну, брат, — Мотды совсем растерялся, — как бы тебе объяснить... В сутках... А что такое сутки, знаешь? Ну, это день и ночь. Так вот, сутки делятся на двадцать четыре равных части. Каждая из них и называется «час». Понятно? Иными словами: в сутках двадцать четыре часа.

— И вы защищаете тех, кто работает больше двадцати четырех часов?

— Да нет же! — Мотды досадливо поморщился. — Экий непонятливый! Мы — за восьмичасовой рабочий день. Ясно?

— Погоди-ка. Значит, я должен работать не больше восьми часов в сутки?

— Ну да! — обрадованно воскликнул Мотды. — Молодец, сообразил!

— А кто же будет пасти отару остальное время?

Этот вопрос поставил Мотды в тупик. Словно ища поддержки, он стукнул по плечу своего спутника:

— Ведь чабаны и подпаски — те же рабочие, так? А сколько часов по закону положено трудиться рабочим? Восемь!

Жидкобородый только хлопал глазами: он и сам был таким же темным, как Алты. Недоуменно уставясь на Мотды, он спросил:

— А кто такие — рабочие?

— Беда мне с вами! — рассердился Мотды. — Что вы меня путаете? Рабочий — это рабочий.

Алты все больше убеждался, что и самому «батрачкому» многое невдомек. Он закатил глаза и часто-часто закивал:

— Ясно, товарищ батрачком. Все ясно.

Мотды, почуяв подвох, подозрительно посмотрел на подпаса:

— Что тебе ясно?

— Все-все. Ты так здорово объясняешь!

Глаза у Алты искрились лукавством, губы вот-вот дрогнут в улыбке. Мотды погрозил ему пальцем:

— Эй, малый, не слишком-то о себе воображай! Тоже мне нашелся артист! Я что хочу сказать? Чабаны и подпаски относятся к той же категории, что и рабочие.

— Гатыгор? ¹

— Вот тупая башка! Не гатыгор, а категория!

— Что ты мне голову морочишь? — рассердился, в свою очередь, и Алты. — Не понимаю я твоих гатыгорий-матыгорий.

— С тобой упаришься. Я же тебе битый час разъясняю: я призван защищать таких, как ты. От эксплуатации. От баев.

И он, не обращая внимания на бестолковые, по его мнению, вопросы Алты, принялся терпеливо рассказывать о задачах батрачкама, о правах батраков.

В стране уничтожена эксплуатация человека человеком. Больше нет ни угнетателей, ни угнетенных, ни господ, ни рабов. И нельзя допускать, чтобы бай по старинке относился к батракам, как к рабочей скотине. Чабаны и подпаски должны заключать с баями трудовые договора. А батрачком обязан следить, чтобы каждый пункт этих договоров соответствовал закону и неукоснительно выполнялся баями.

— Ясно?

Но чем больше он говорил, тем больше вытягивалось лицо у Алты. И тогда Мотды спросил:

— Послушай, парень... А ты грамоту знаешь?

— Не! — беспечно ответил Алты.

---

¹ Г а т ы г о р — обижаться

— И чего же не учишься?

Алты ухмыльнулся:

— Где ж это видано, чтобы бедняки учились?

— Нынче все должны учиться. На то и Советская власть. Или не слыхал, что у нас Советы?

— Почему не слыхал? Слыхал.

— Пора и тебе взяться за учебу.

Алты опять усмехнулся:

— Где же это я буду учиться? В степи, среди баранов?

— А разве у скотоводов нет ликбезов?

— Лукбезов?

— Ты моих слов не переворачивай! — снова взорвался Мотды. — Ликбезов. Школ по ликвидации безграмотности. Понял?

— Не.

Мотды тяжело вздохнул:

— Ты с меня семь потов согнал... Короче: хочешь учиться?

Алты сейчас одного хотелось: не выглядеть ишаком в глазах Мотды. Хотелось, слушая умного человека, понимать каждое его слово. И юноша решительно тряхнул головой:

— Хочу.

— Вот это другой разговор. Направим тебя на учебу.

— А куда?

— Пока в ликбез. До Ашхабада, даже до Теджена ты еще не дорос.

Алты почесал в затылке:

— Да... А согласится ли бай?

— Мы его и спрашивать не будем.

— А кто станет мне платить?

— Ишь, дай ему яичко, да еще и облупленное! Ты что же, хочешь учиться, да чтобы тебе же за это и платили?

— Мне ведь надо и себя прокормить, и маму.

— Будешь работать и учиться. Ты об одном помни: вы-

учишься — всю семью прокормишь, неучем не прокормишь и себя.

Эти последние слова Мотды показались подпаску особенно убедительными. В самом деле: кто учен — тому и почет и деньги. Взять Халлы-толмача¹. Он знает русский язык лучше, чем сами русские; живет — в ус не дует, куда до него чабанам да подпаскам! А Черкёз-хан? Он хоть и молод, а в ауле пользуется почетом. Грамотей! А Чары-толмач? Даже русские относятся к нему с уважением.

А что такое он, Алты? Да он для всех, как вон тот саксаул или вон тот верблюд! В семнадцать лет все еще подпасок. Голь перекатная! Если б его работа хоть что-нибудь ему давала, он давно был бы богачом. А то целыми днями в степи гнет спину на бая, а что за это получает? В полгода — шесть баранов. И то когда как. Все его норовят обмануть, выжать из него побольше, дать поменьше. Собачья жизнь! А встретится хороший человек, вот как Мотды, ему и говорить-то неинтересно с таким дурнем, как Алты. Бедняга даже вспотел от его расспросов. Ох, Алты, Алты, и глупый же ты, и темный же ты!

Юноше стало до слез жаль себя. Нет, прав батрачком: надо уходить от бая. И уж если Советская власть предлагает учиться, он будет учиться! Видно, и впрямь настали новые времена. Прежде ему, бедняку, нечего было и мечтать об учебе. А нынче даже уговаривают. Чудеса!

Мотды между тем с болью смотрел на подпаска и думал: «В глазах-то у парня чёртики, а в башке мешанина. В самых простых вещах не разбирается! Надо о договорах потолковать с чабаном, он-то, наверно, понятливей. А пареньку поможем... Уж власть Советская не даст ему пропасть!»

И Мотды спросил:

— Где чабан? Поговорю с ним — от тебя проку, видно, не добьешься.

---

¹ Т о л м а ч — переводчик.

Алты хотелось еще послушать батрачкама. Но, задетый пренебрежительными словами Мотды, он обиженно буркнул:

— Чабан у соседей. Вот за тем барханом!

Он бы, конечно, мог и сам сбегать за чабаном, а потом они посидели бы вчетвером и побеседовали о том о сем; но Мотды нанес его гордости слишком глубокую рану, и юноша, насупясь, отвернулся от батрачкама. Тот поднялся, кивнул своему спутнику:

— Пошли!

Алты спохватился: обида обидой, но как же он мог забыть законы гостеприимства? Позор! Он отчаянно крикнул вслед уходящим:

— Куда же вы? Поешьте лепешек с мясом!

Мотды замедлил шаг, обернулся, в его взгляде Алты прочел укор: мол, о чем же ты раньше-то думал? Юноше все же показалось, что батрачком хочет вернуться. Но тот, усмехнувшись, бросил:

— Что так спешишь с угощением? Подождал бы, пока мы уйдем за бархан.

Алты готов был сгореть от стыда. Вот горячка! К нему с добром, а он... Обидел гостей, оставил их голодными. Подпасок опустил голову, тяжело вздохнул.

Но агитация Мотды сделала свое дело: Алты решил уйти от бая. Он больше не даст себя эксплуатировать!

11

Алты воротился в родной аул. На первых порах он перебивался случайными заработками, помогая местным богатым по хозяйству.

Жилось в ауле потрудней, чем в степи. Правда, тут уже укреплялась Советская власть, была проведена земельно-водная реформа, агитаторы сулили дайханам¹ достаток и сча-

---

¹ Д а й х а н е — крестьяне.

стве. Но это в будущем, а пока приходилось потуже подтягивать пояса. Землю и воду дайхане получили, но эту землю нечем было обрабатывать, да и сеять на ней нечего. Все оставалось еще в руках у баев. Но дайхане рады были и тому, что теперь никто не затыкал им глотку, они гомонили на митингах, спорили до упаду, вступали во всевозможные организации.

А еще Советская власть дала им благородную возможность — учиться.

Алты ушел от бая, так больше и не повстречавшись с батрачком. Но из головы у него не выходили слова Мотды об ученье. В ауле открылась школа, однако Алты от этого было мало радости: не мог же он в свои семнадцать лет сидеть за одной партой с малышами! Но вскоре он услышал, что в ауле Гутлы Яз создан ликбез. Вот это было то, что нужно! Мотды как раз и советовал подпаску поступить в школу ликбеза. Учились там вечерами, днем можно было работать.

Алты начал посещать ликбез. Парню пришлось туговато: с утра до вечера для одного богача он рубил колючку на растопку, а потом, усталый, тащился бог весть в какую даль набираться ума-разума. Но он был молод, полон сил и горел желанием учиться. Все тяготы жизни были ему нипочем! Как только он клал перед собой бумагу и карандаш, усталость как рукой снимало. Здорово это было — выводить на листе бумаги слова, которые мог прочесть человек, живущий за тысячи верст отсюда! Это казалось Алты каким-то колдовством. Не раскрывая рта, с помощью карандаша разговаривать с кем угодно! Великое это дело — уметь писать и читать. Великое это чудо! Алты учили этому волшебству чтения и письма, и у него было светло на душе; все его радовало, даже то, что многие слова начинались с той же буквы — первой буквы алфавита, — с какой начиналось и его имя.

Конечно, учили в то время не так, как сейчас. Дело было новое, не обходилось без ошибок и несуразиц. Ликбез, где

занимался Алты, помещался в старой ветхой кибитке. Освещала ее керосиновая лампа. В ее слабом, скудном свете с трудом можно было различить лицо учителя, смуглое, бородатое, изрытое оспой.

Главной же бедой этого ликбеза был, пожалуй, как раз сам учитель. Звали его Ата-мулла. Прежде он и был муллой, священнослужителем. Но советская новь властно наступала на старину; муллы уже не пользовались былым влиянием, и самые умные из них старались приспособиться к новым условиям. Оставив поповскую профессию, они оканчивали в Ашхабаде трехмесячные курсы учителей и шли в школы, в ликбезы. Советской власти ничего не оставалось, как воспользоваться их услугами: образованных людей было тогда в Туркмении еще очень мало.

Ата-мулла садился посреди кибитки на намазлык¹, надевал старые очки — одна из дужек была заменена проволокой, а другая ниткой — и начинал урок. К ученикам он относился с нескрываемым высокомерием и издевкой. Это всё были бедняки: и юные, как Алты, и постарше, с уже округлившимися бородами, и совсем пожилые. Все они впервые в жизни держали в руках карандаш. Мулла смеялся в душе, наблюдая, как старательно и неумело, прикусив от напряжения языки, выводят они корявые строчки. Проверая написанное, он с иронией восклицал:

— Как ты написал букву «а»? Она у тебя кривая, словно пастуший посох! А ты? Твое «а» похоже на след, оставленный на песке черепахой. Алты! Что ты тут накорябал? Это же не черточка, а трещина на тарелке!

Ученики недружно смеялись. А мулла, довольный собой, довольный своими шутками, продолжал:

— Ну кто так пишет? Глядите сами: вот эта буква, словно клеймо, выжженное на бедре верблюда. А эта напоминает

---

¹ Н а м а з л ы к — небольшой войлочный коврик, предназначенный для свершения намазов — молитв.

кочергу. Эта походит на деревянную ложку. Прямо художники! Если вы и впредь будете так писать, не знаю, что из вас выйдет.

Учеба и так нелегко давалась ликбезовцам. У многих же от постоянных насмешек учителя совсем опускались руки.

Бедняги сокрушенно признавались:

— У нас во всем роду никто не умел писать. Видать, и мне не суждено научиться.

— Правду говорил мой дед: для ученья у меня, видно, кишка тонка!

Иные, разозлясь на муллу и на себя, в сердцах бросали карандаши и покидали ликбез.

И все же жизнь брала свое — люди тянулись к свету, кибитка ликбеза не пустовала.

Алты проявлял завидное упорство. Он умел уже по складам читать. Первое, что он прочел самостоятельно, была народная сказка про лису и журавля. Она ему так понравилась, что Алты выучил ее наизусть и рассказывал всем и всюду увлеченно, с выражением, представляя в лицах персонажей сказки. Она даже во сне ему снилась.

Как-то возле одной землянки собрался народ. Был там и Алты. Кто-то спросил его:

— А кроме «Лисы и журавля», ты что-нибудь знаешь?

Алты напыжился:

— А как же! Я ведь учусь. Я теперь не какой-нибудь темный подпасок!

Кандым, сосед Алты, в вывернутой папахе, с приплюснутым носом, лежал, привалясь спиной к куче песка. Он решил подзадорить юношу:

— Не подпасок, так поденщик. Один толк!

Алты расхорохорился:

— Ты темнота, потому и не видишь разницы!

— Да погляди на свою обувь, — продолжал поддразнивать Кандым, — как была рвань, так и осталась. Подметка-то совсем отвалилась, болтается, точно язык.

Алты и правда был одет не лучше прежнего: целый только чермék¹, недавно сплетенный матерью. Но он привык к бедности и ничуть не обиделся на Кандыма. Пусть он в лохмотьях, а жизнь все-таки изменилась к лучшему, и он, Алты, тоже стал юным! Юноша задиристо отозвался:

— Ай, Кандым-ага, не пялься ты на язык-подметку, у меня есть другой язык, поострей! Могу так отбрить!

— Не больно-то он острый! Только и знаешь, что сказку про журавля и лису.

— Ах, так? — оскорбился Алты. — А ну пойдем в сельсовет, я тебе почитаю про новые законы.

Кандым пожал плечами:

— Зачем далеко ходить? — Он вытянул из-под мышки сложенную вчетверо газету, которую взял утром в сельсовете, чтобы завернуть в нее нас. — На! Если уж ты такой грамотный, прочти нам, что пишут в газете.

Предложение Кандыма не вызвало у Алты особого энтузиазма: газеты ему еще не доводилось читать. Но отступать он не привык. Развернув перед собой газету, он уткнулся в нее носом. Все в ожидании уставились на Алты. Он медлил, внимательно разглядывал газетные страницы, будто искал что-то.

Послышались нетерпеливые возгласы:

— Алты! Ты что, уснул?

— Не тyani! Читай вслух!

Кто-то осуждающе заметил:

— Что вы его подгоняете? Читать газету — это вам не в бабки играть!

— Верно! Гляди, буквы-то какие мелкие, будто муравьи!

— А что, он даром в ликбезе учится?

— Э, если бы за несколько дней можно было научиться читать газеты, у нас в ауле не осталось бы ни одного неграмотного!

---

¹ Чермék — кушак из шерсти.

Алты все шуршал газетой, вертя ее и так и сяк. Наконец ему удалось разобрать заголовок, набранный крупным шрифтом, и он медленно прочел:

— «Зе-мель-но...вод-ная... ре-пор-ма...»

Наградой ему было общее восхищение:

— Ай, молодец, Алты!

— Давай, давай! Читай дальше!

Статья, на которой остановился Алты, была набрана в три колонки. Он же читал строчки с ходу, подряд, не обращая внимания на отбивку. Получалась явная нелепица:

— «Во-да и зем-ля... отоб-ран-ные у ба-ев... коза со сло-ман-ны-ми ро-га-ми... при-нес-ла двух те-лят...»

Все расхохотались:

— Ох, уморил!

— Что-что? Коза телят принесла? Ну-ну!..

Алты, чувствуя, что дал промашку, но не понимая, в чем она, разозлился на слушателей:

— Что гогочете? Щекочут вас, что ли? Читаю, как написано!

— Ну-ка, прочти еще раз!

Алты впился глазами в строчку, так насмешившую всех — на самом деле это были три строки из разных колонок, — прочел ее про себя и повторил вслух:

— «Вода и земля, отобранные у баев... коза со сломанными рогами... принесла двух телят...»

И снова раздался дружный хохот.

Алты был в полной растерянности. Неужели же он читает не так, как надо? Шевеля губами, он по слогам еще раз перечел всю строчку. Все правильно! А смысла нет. Алты протянул газету окружающим, ткнул пальцем в злополучную строку:

— Вот, читайте сами. Смеяться-то легче всего!

Но, кроме Алты, никто из собравшихся не умел читать.

Тогда Алты предложил:

— Мне не верите, так давайте позовем муллу. Он скажет, правильно ли я читаю.

Со всех сторон посыпались реплики:

— Обойдемся без муллы. Все верно! Коза принесла телят! Подумаешь, что тут такого?

— Читай сам!

— Может, еще чем распотешишь?

— Читай, Алты, читай!

Алты, опять перепрыгивая через колонки, прочел новую длинную строку:

— «От же-лез-ных гу-се-ниц трак-то-ра... школь-ник получил че-ты-ре лит-ра мо-ло-ка...»

Его прервал новый взрыв смеха:

— Ай, спасибо, потешил душеньку!

— Молодец, Алты, здорово читаешь!

— Валяй еще!

Алты тупо, в напряженном недоумении смотрел в газету. Что за наваждение! Читает он так, как его учили, а получается какая-то чепуха. От трактора — молоко! И он сам громко от души расхохотался.

— Вот чудеса-то!.. Железо начало давать молоко!

А собравшиеся решили, что Алты просто хотел подшутить над ними, и все, будто бы вычитанное в газете, выдумал сам. Слушатели подступили к нему с веселыми угрозами:

— А ну-ка, давайте его проучим, будет знать, как смеяться над земляками!

— Что вы, не знаете Алты? Ловко он нас провел!

— Эй, Алты, опять ты за свои проделки?

— Оттузим-ка его хорошенько!

Алты понял, что пора подобру-поздорову уносить ноги. Он рванулся было из толпы, но кто-то удержал его за штанину. Алты сердито обернулся и встретился взглядом с Ата-муллой. Все были так увлечены чтением Алты и веселой перепалкой, что и не заметили появления учителя. А тот уже давно затесался в толпу и заливисто смеялся вместе со всеми.

Алты застыл как вкопанный. А Кандым с упреком обратился к мулле:

— Ата-мулла, чему ты их учишь в своем ликбезе?

— Как — чему? Арифметике, письму, чтению.

— Хорошо же учишь! Парень ни строчки не может одолеть. Смех один!

— Друзья мои, Алты читал правильно.

— Правильно? Выходит, в газете сидят шутники?

— А ты не спеши, выслушай меня до конца. Он читает правильно, да не совсем.

— Как это так?

— А вот так. Алты читает подряд все строчки, а надо читать каждую колонку отдельно.

— Не все одно, с какого боку залезать на осла?

— В том-то и дело, что не все равно! — Ата-мулла и

рад был бы высмеять Алты, но тогда вышло бы, что он плохо учил парня. Выручая Алты, он выручал себя. Развернув газету, показывая всем, как расположен там материал, Атамулла принялся объяснять: — Видите? Вот колонка — столбик такой. Его нужно читать сверху вниз. Иначе получится набор фраз, ничем друг с другом не связанных. Газету читают не как книгу, в газете на одной странице — множество страниц. Уразумели?

Собравшиеся чесали в затылках, силясь вникнуть в объяснения муллы. Мулла надулся от важности. А Алты охватило дурашливое настроение. Он напыщенно поклонился учителю, потом всем остальным.

— Спасибо, что не оттузили меня. Так-то оно лучше и для меня и для вас. Ведь вас бы после совесть загрызла, ногами не могли бы спать! Поколотить такого ученого человека! Ай-яй!

Шутка Алты была встречена добродушным смехом.

12

Весна следующего года оказалась трудной для семьи Карли. Ей нечего было посеять на своем участке. Вся надежда была на жатву, когда братья Карли могли бы подзаработать, убирая чужой урожай. Но до жатвы было еще далеко, а дома хоть шаром покати. Тогда братья надумали отправиться в Каахка́, там сеяли озимую пшеницу, она поспевала раньше, чем тедженская.

В дорогу собрались Алты, Бегхан и два их приятеля. Так как в карманах у них не звенело ни гроша, решили идти пешком, да к тому же это было для них куда привычней, чем ехать поездом.

Заткнув за поясные платки по лепешке, они тронулись в путь вдоль железнодорожного полотна.

Для тех, кто с детства пас овец, верблюдов, пройти сорок

километров, от Теджена до Душака¹, не составляло особого труда. Но уже разгоралось лето, воздух был напоен удушливым зноем, путников мучала жажда. У Алты потрескались губы, язык словно прилип к нёбу. Но он видел, что товарищам нелегко, и не ныл, не жаловался, наоборот, старался подбодрить остальных шуткой.

Неожиданно он спросил у Бегхана:

— Бегхан! Водички не хочешь?

Бегхан, только и помышлявший что о воде, так и вскинулся:

— Вода? Где?

— Как — где? — наивно изумился Алты. — В Душаке!

Бегхан, раздосадованный тем, что так легко попался на удочку, сердито буркнул:

— Пей эту воду сам.

Алты счел за лучшее промолчать: дразнить брата дальше было небезопасно.

Путники шли не останавливаясь, рубахи взмокли от пота — хоть выжимай, во рту пересохло. Порой глаза Алты словно застилало туманом, все качалось перед ним в радужном мареве, казалось, он вот-вот рухнет на песок. Но ноги сами продолжали нести его вперед. А то вдруг ему чудилось, будто над ним кружит зеленая муха, звенит то возле одного уха, то возле другого. Он в полубеспамятстве удивлялся, откуда в пустыне мухи? И почему привязались к нему, к Алты, ведь обычно зеленые мухи выются над падалью. Или он уже мертвый?

Наконец завиднелись деревья — впереди станция Душак. До нее, казалось, было рукой подать: путники ускорили шаг, а деревья все маячили на прежнем расстоянии, словно бы путники пытались их настичь, а они все отбегали и отбегали...

До станции тедженцы добрались совсем обессиленные,

---

¹ Душ á к, как и Каахк á, — станция между Тедженом и Ашхабадом.

изнеможенные, и жадно приникли к чистой речной воде. Они понимали, что пить много нельзя, но не в силах были сдержаться, пили, пили до дурноты. Алты первому сделалось плохо: в глазах потемнело, закружилась голова, пот лил с него градом. Его шатнуло; чтобы не упасть, он сел на землю.

Товарищи дождались, пока он придет в себя, и двинулись дальше. Им бы после всего пережитого сесть в поезд и в пути хоть немного отдохнуть, но какой там поезд, какой там отдых, когда карманы пусты?

И снова степь, зной, нестерпимая жажда.

Слева от путников тянулись хребты Копет-Дага, справа простиралось степное безбрежье. Трава уже успела выгореть, все было желтым-желто, лишь кое-где крохотными островками зеленел кустарник. Кругом ни души, только рылись в земле пестрые вороны, трепетали в золотистой вышине жаворонки да изредка попадался на глаза орел, недвижно сидевший на камне.

Но вот наконец и Каахка. Путники вздохнули с облегчением: теперь, возможно, удастся утолить и голод и жажду.

Каахка заметно отличалась от тедженских аулов. Тедженцы ютились в куполообразных кибитках или землянках, для каахкинцев же служили жильем глинобитные мазанки, обнесенные низкими глиняными заборами — диварами. На узеньких кривых улочках Каахка редко-редко можно было встретить кибитку.

Дворы здесь утопали в зелени. Через дивары свешивались гроздья незрелого винограда. Алты ни разу в жизни не видел винограда, кроме дикого, «собачьего», и смотрел на тугие гроздья раскрыв рот.

— Это что за ягоды? Похожи на «собачий» виноград.

Один из путников, прежде уже бывавший в Каахка, разъяснил:

— Это и есть виноград. Только настоящий.

— Верно, сладкий, да? — облизнулся Алты. — Вот бы сорвать веточку! Так, на пробу...

— Валяй, валяй!

— А что?

— Влетит от хозяина. И потом, он же еще кислый.

— Живот схватит?

— Еще как! И во рту будет оскомина.

— Все равно, — мечтательно молвил Алты. — Если бы мне даже сказали, что у меня выпадут все зубы, я бы слопал во-он ту веточку! А он продается?

Товарищи Алты только усмехнулись. Алты хлопнул себя по карману и, не услышав бренчания серебра, сокрушенно помотал головой: бедность, проклятая бедность!

Абрикосы, еще остававшиеся на деревьях, Алты узнал сразу — их-то ему довелось однажды попробовать. В их аул забрел торговец фруктами, Алты выпросил у матери нечеса-

ной шерсти, выменял ее на абрикосы и, вывалив в большую медную миску, долго смаковал их, жмурясь от удовольствия и приговаривая: «Мама, мама, ну, до чего же сладкие! Так бы и ел всю жизнь».

Всю жизни!.. Только раз ему и повезло. А сейчас совсем близко от Алты мелькали виноград, абрикосы, а ему оставалось только облизываться — не было ни шерсти, ни денег, чтобы купить хоть немного фруктов...

В Қаахка тедженцы нанялись к одному баю жать пшеницу.

В поле они выходили на заре и гнули спины до позднего вечера. Сберегая свою одежду, работали в старых халатах. Халаты докрасна натирали вспотевшее тело. Работали споро. Алты, непривычный к такому труду, еле поспевал за товарищами. Языком косить — поясница не заноет. А когда орудуешь серпом, начинает ломить все тело.

После страдного дня Алты едва разгибал спину. Иногда в разгаре жатвы он, не выдержав, со стоном распрямлялся и в сердцах говорил:

— Хватит! Сил больше нет! Всю поясницу разломило!

Сосед, не поднимая головы, с насмешкой бросал:

— А ты не знал, что жать пшеницу — это тебе не в бабки играть?

— Не знал и знать не хочу!

— А хлеба хочешь?

— Хочу пенку с молока!

Ох, как хотелось ему в эти минуты очутиться в степи, где шел скот и молока было — залейся! В степи всего вдоволь. Но при воспоминании о Поррук-бае и его ременной плетке радужные картины меркли, и Алты, не обращая внимания на боль в пояснице, яростно взмахивал серпом.

Зато в обед он отдыхал душой и телом. Собравшись в просторном шалаше, жнецы с аппетитом уплетали лепешки, запивая их зеленым чаем. В шалаше было уютно, как в голубином гнезде, чай бодрил; отдохнув, жнецы с новыми сила-

ми брались за работу и даже не замечали, как заходило солнце.

Уже затемно они возвращались в Каахка и весь вечер просиживали в чайхане. Между чайханой и тротуаром стояла широкая деревянная тахта, застланная ковром — паласом. Посетители полулежа располагались на паласе, подбив под локти полы халатов, и не спеша с наслаждением тянули из пиал терпкий чай. Хорошо было также сидеть на тахте, скрестив ноги, и поглощать жирное питие — суп по-кавказски. Кормили в чайханах сытно и вкусно; они принадлежали частным владельцам, и те из кожи вон лезли, чтобы отбить друг у друга посетителей, приманив их аппетитной едой. Особенно аппетитной казалась она жнецам-поденщикам.

В чайхане, облюбованной тедженцами, собиралась самая разношерстная публика. Алты довелось выслушать уйму невероятных, грустных и забавных историй, поединоборствовать в жарких спорах, а поводов для спора тогда хватало!

Однажды в чайхану вошел милиционер. Он громко на всю чайхану объявил:

— Люди! Сейчас ученики из школы покажут спектакль. Пойдемте посмотрим!

Алты быстро встал, захлопал в ладоши:

— Вот здорово! Обязательно пойдем.

Посетители, кто в охотку, а кто лениво, потянулись к школе.

Школьники ставили одну из первых туркменских пьес — небольшую драму Шамседдина Керими¹ «Айджамал».

И хоть пьеса была наивная, а исполнители — неопытные, спектакль произвел на Алты ошеломляющее впечатление, взволновав его до глубины души. Он живо реагировал на все, что происходило на сцене. Когда Айджамал, бессильная перед произволом богачей, доведенная до отчаяния, зарыдала, Алты тоже всхлипнул и, сочувствуя героине, подумал:

---

¹ Керимй Шамседдин — туркменский драматург.

«Какая же она чистая, красивая! Да за такую жизнь не жалко отдать!»

Ему и невдомек было, что роль Айджамал исполнял один из учеников, обряженный в женскую одежду. Старые обычаи не позволяли девушкам выступать на сцене, им и на улице-то нельзя было появляться. Но Алты этого не знал, он восхищался Айджамал, переживал за нее и думал: «Эх, мне бы сыграть парня, влюбленного в Айджамал! Пусть бы кто посмел отнять ее у меня, да я бы тому скулы свернул!»

Алты и не подозревал, что в нем самом жил артист. Свое умение подражать людям он считал детской забавой. Но сейчас, потрясенный спектаклем, он остро завидовал школьникам. И на другой же день заявил брату, что хочет быть актером. Бегхан только рукой махнул: ему уже надоели причуды беспечного братца. Но мысль о театре, видно, крепко засела в голове Алты. Он теперь взрослый. Грамотный. Он многое узнал и понял за последнее время. И пора самому решать свою судьбу. То ли ему по-прежнему послушно таскаться за братом, подобно тому, как верблюжонок на привязи следует за своей матерью, то ли, вступив на самостоятельную стезю, строить жизнь по своей охоте и разумению.

И когда в Каахка кончилась уборочная страда и тедженцы стали собираться домой, чтобы и там поспеть к жатве, Алты твердо сказал брату:

— Бегхан! Я... не пойду в Теджен. Остаюсь здесь.

— Эй! Какая муха тебя укусила?

— Я же говорил тебе: хочу стать артистом...

— В роду Карли только шутов не хватало! — возмутился Бегхан. — Выкинь эту дурь из головы.

— Нет, Бегхан! — стоял на своем Алты. — Я буду артистом.

— Да ты что, спятил? Довольно с нас твоих фокусов! Много ли добра принесли нам твои кривлянья?

— Ну и пусть кривлянья. А я все равно буду артистом.

— Не бывать этому!

— Нет, буду! Назло всем буду.

Братья, как молодые бычки, нагнули головы, уставились друг на друга, глаза в глаза. Бегхан уже приготовился было вlepить Алты оплеуху, но рука застыла в воздухе — его испугало лицо брата: брови сдвинуты, ноздри раздуты, глаза горят. Видно, прошло время, когда Бегхан мог беспрепятственно награждать брата тумаками и подзатыльниками. Алты вырос и готов к отпору. Бегхан опустил руку, сказал:

— Алты, братишка... Мало ты заставлял плакать свою мать?

— Вот стану артистом и буду веселить ее!

— Ох, Алты! Не ту дорогу ты выбрал.

— Если окажется, что не ту, поверну назад. Не бойся, не заблужусь!

— И гонору же в тебе! А помнишь, как однажды чуть не погиб?

— Чему быть, того не миновать. Хочу попытать судьбу. Найти свое счастье!

— Как бы последнего не растерял.

— Уж, во всяком случае, не брошусь тебе в ножки: Бегхан, брат, помоги, выручи!

— Упрямая башка!

— И пускай упрямая.

Бегхан понимал, что ему не переломить строптивый характер брата. Уж если тот что вбил себе в голову, в лепешку расшибется, а сделает по-своему. Бегхан не раз имел случай убедиться в этом. Приходилось смириться с решением Алты. Скрепя сердце Бегхан отдал брату десять рублей из тех денег, которые они заработали на жатве: не бросать же Алты на произвол судьбы! Ни слова больше не говоря, повернулся и пустился догонять товарищей, уже удалявшихся по направлению к Теджену.

Алты остался на дороге один, долго смотрел вслед уходящим землякам. На душе у него было смутно, тревожно: что-то ждет его впереди?

Сжимая под мышкой свернутый халат, Алты околачивался возле школы, где недавно смотрел «Айджамал». Войти он не решался. И если бы его спросили, что ему надо, он бы не смог ответить. В самом деле, к кому идти, о чем просить?

Но и отступать было не в его правилах. Он то прохаживался перед школой взад-вперед, то садился на скамейку, стоявшую неподалеку под пышноокронным карагачом.

Когда он, в который уже раз, приблизился к двери школы, из нее вышел мужчина, в очках, с аккуратной черной бородкой. Он остановился перед Алты, испытующе взглянул на него.

— Тебе что нужно, молодой человек?

Алты, смешавшись, опустил глаза.

— А я и сам не знаю...

— Занятный товарищ! Так-таки и не знаешь?

— Ну... есть одно дело...

— Какое же, если не секрет?

Алты бросил взгляд на мужчину:

— А ты кто будешь?

— Я завуч этой школы.

— Завуч... Это вроде сторожа, что ли?

Мужчина улыбнулся:

— Гм... Положим, что так.

Алты осмелел:

— Если ты сторож, верно, знаешь, к кому мне обратиться?

— А по какому вопросу, позволь узнать?

— Ну... я хочу в артисты.

— В артисты?

— Ага.

— Что ж, похвальное стремление. Но у нас не театральная школа.

— А я видел тут пьесу «Айджамал»!

— Так это художественная самодеятельность.

— Вот бы и мне заделаться... этим самым... деятельностью...

Мужчина пристальней взгляделся в пылающее лицо Алты.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Ты закончил какую-нибудь школу?

— А как же! Ликбез.

— Ну ликбез — это не совсем то, что нужно. Это только первая ступенька к знаниям. Там тебя научили читать и писать. Этого мало.

— А что еще нужно?

— О! Много.

Алты покраснел.

— Значит, я не гожусь в артисты?

Мужчина доброжелательно рассмеялся:

— Ну, пока неизвестно, на что ты годишься. Ты еще молод и полон энергии. У тебя все впереди. Но одно скажу: чтобы стать артистом, нужно сначала закончить театральную студию.

— А тут есть эта... устудия?

— Нет, студии, к сожалению, у нас пока не имеется.

По тому, как мужчина говорил, чувствовалось, что никакой он не сторож, скорее, учитель. И Алты без околичностей заявил:

— А ты ведь меня надул! Ты тут, видно, не сторожем, а муллой.

— Допустим.

— Тогда возьми меня в свою школу!

Мужчину что-то привлекало в этом горячем, наивном, открытом пареньке. Он сочувственно проговорил:

— Друг мой, тебе ведь уже семнадцать. А в школу поступают дети семи-восемью лет.

— Ну и что ж, что семнадцать! Раз надо учиться...

Мужчина прищелкнул пальцами:

— Как бы тебе объяснить... Тебе, наверно, приходилось чабанить? Так вот, как ты думаешь: можно ли к ягням подпустить взрослого барана?

Алты недоверчиво усмехнулся:

— Это какой же дурак станет так делать?

— Вот и ты среди малышей выглядел бы, как баран среди ягнят.

Алты потемнел лицом, понурился.

— Выходит, некуда мне податься.

— Ну-ну! Не вешай носа! — ободряюще сказал мужчина. — Ты можешь куда-нибудь устроиться, например в Ашхабаде. Наверняка там найдется для тебя что-нибудь подходящее.

— Правда? — обрадовался Алты.

— С какой стати мне тебя обманывать?

Алты схватил мужчину за руку, сильно потряс ее:
— Ой, спасибо... товарищ мулла! До свидания!
— Как? Ты спешишь проститься со мной?
— Я спешу в Ашхабад!

14

Завернув в красный платок кусок лепешки, Алты Карли отправился в Ашхабад.

Он шел пешком, в полном одиночестве, обходя стороной людные станции. Однако ему не было скучно, он и привык и любил оставаться один на один со степью. Ночами он спал на голой земле, подстелив под себя халат, а под голову подсунув папаху, смотрел в небо, на теплые звезды, умиротворенно прислушивался к степным шорохам, они его не настораживали, а убаюкивали.

Алты не знал, сколько километров он прошел, пока добрался до Ашхабада, но ему дважды довелось ночевать в степи.

Когда он наконец попал в Ашхабад, то в первые минуты растерялся. Он ошеломленно глядел вокруг широко раскрытыми глазами. По улицам сновали фэтоны, куда-то спешили пешеходы. Юношу особенно поразили машины с кузовами, похожими на старые кибитки: машины фыркали, как верблюды, и глаза у них горели, словно у сказочных дэвов. Алты чудилось, что они вот-вот задавят его, он жался к стенам домов...

Город напоминал громадный муравейник: спешка, толкотня... Улицы, дома казались Алты одинаковыми, их трудно было отличить друг от друга. «И как только люди тут не заплутаются! — удивлялся он. — А сколько нужно хлеба для такой прорвы — не напасешься! Откуда его берут?»

Все здесь изумляло и подавляло Алты.

Он и не заметил, как солнце начало опускаться за крыши

домов. И когда город окутали сумерки, Алты забеспокоился: где же ему найти ночлег? Знакомых в Ашхабаде у него не было. Он мог бы провести ночь за городом, на холмах, но боялся напороться на бандитов: по слухам, ими кишели окрестности Ашхабада. Пожалуй, лучше всего заночевать в песках Аннау¹.

Он стоял в замешательстве посреди тротуара. Один из прохожих, бедно одетый, заросший бородой человек, догадавшись, видно, что паренек в затруднении, спросил Алты:

— Ты что тут стоишь, братец?

— А что, нельзя?

— Да стой сколько влезет! — улыбнулся прохожий. — Просто мне показалось, что ты не знаешь, куда идти.

Алты вздохнул:

— Я и вправду не знаю. Никого у меня тут нет. Куда деваться?

— А ты не унывай! Пошли в Дом дайханина.

— Дом дайханина? А что это такое?

— Ну... это дом для дайхан, — невразумительно объяснил прохожий.

— А меня туда пустят?

— Кого ж еще тогда пускать? Там живут такие, как мы с тобой.

Алты окинул прохожего недоверчивым взглядом:

— А ты не врешь?

— Вот еще! — обиделся бородач.

— Ладно. Пошли.

Дом дайханина показался Алты настоящим раем. Там было все, что душе угодно: дешевые обеды, крепкий зеленый чай, чистая постель. На такой постели Алты спал впервые в жизни...

Прошло несколько дней. Надо было думать о работе и об учебе. А куда поступить? С кем посоветоваться?

---

¹ А н н а у — станция под Ашхабадом.

У Алты уже завелись знакомые среди постояльцев Дома дайханина. Однажды один из них сказал:

— А знаешь, ведь здесь живет мулла Мурт.

— Мулла Мурт? Кто он такой?

— Ты читал когда-нибудь «Токмак»? ¹ — вопросом на вопрос ответил собеседник.

Алты наморщил лоб:

— «Токмак»? Это такая толстая газета с картинками?

— Не газета — журнал.

— Журнал «Токмак»... Так это он у нас живет?

— Да нет же! В журнале часто печатается один поэт, он подписывается «Акя́л». Это, говорят, и есть мулла Мурт.

— Он учитель?

— Говорю же, поэт.

— Чем же тогда он может мне помочь?

— Ну... попроси его написать заявление. У него, говорят, легкая рука.

— Какое заявление?

— А я знаю? Когда туго приходится, всегда пишут куда-нибудь заявление. Да он тебе сам все разъяснит!

Алты в тот же день разыскал муллу Мурта. Поэт жил в отдельной комнате. Когда Алты вошел к нему, мулла Мурт, сидя за столом в очках, что-то писал. На столе стояли пузатый чайник и пиалы. Седая острая бородка, большущие усы придавали мулле Мурту сердитый вид. Алты даже попятился, но поэт уже почувствовал, что кто-то мнетя в дверях; подняв голову от бумаги, он обернулся к Алты:

— Не стесняйся, сынок, заходи, будь гостем. Садись вот сюда. — Он показал на свободный стул. — Чаю хочешь?

Алты отрицательно мотнул головой:

— Я постою.

— Ну как тебе угодно. Что у тебя за дело ко мне?

— Так... Одна просьба.

---

¹ «Токма́к» — дословно: колотушка. Название сатирического журнала.

— Выкладывай. Чем смогу — помогу.

— Напишите мне заявление.

Поэт вопросительно вскинул брови:

— Заявление? Ну, это несложно. Только какое и куда?

Алты замялся:

— А я... и сам не знаю.

— Вот так так! — рассмеялся мулла Мурт. — Как же я буду писать? — Но заметив, что на лицо юноши набежала тень, посерьезнел. — М-да... Тогда вот что скажи... Ты ведь нездешний, верно?

— Из Теджена я.

— Так зачем, ради чего ты приехал в Ашхабад?

У Алты загорелись глаза:

— Хочу учиться!

— Вот и прекрасно! — Поэт удовлетворенно потер руки. — Все вроде проясняется. Значит, учиться. А какое у тебя образование?

— Я... я ликбез кончил. Только это не то, что нужно... Я знаю...

— Почему же не то? Для начала и ликбез неплохо. Гм... Подай-ка заявление на рабфак!

— А что такое рапфак?

— Там тебя научат всему, чему захочешь.

— А ты напишешь мне заявление? — оживился Алты.

— С превеликим удовольствием! Учиться, сынок, — дело похвальное.

Но, как оказалось, рука у поэта была не такая уж легкая. Он, видно, сам смутно представлял, что такое рабфак и кого туда принимают. Когда Алты вручил свое заявление директору рабфака, тот пробежал его глазами и с сожалением глянул на юношу: с такими знаниями, как у него, в рабфак не брали.

— Сынок, мы не можем тебя принять. Тебе еще до рабфака подучиться надо...

Алты показалось, рушится последняя надежда. Глаза его

подозрительно заблестели. Тогда участливый директор, чтобы не огорчать юношу решительным отказом, сказал:

— Да и набор пока не объявлен. Ведь сейчас каникулы.

— Каникулы? А что это такое?

— Летом студенты отдыхают.

— Примите меня, я тоже буду отдыхать.

— Пойми, сынок, набор начнется только осенью.

— А что мне делать до осени?

— Прости, сынок, ничего не могу тебе посоветовать.

Алты толкнулся еще в несколько учебных заведений, всюду ссылались на каникулы. Деньги у Алты подходили к концу. Как же быть? Одно ему было ясно: в Теджен он не возвратится, пока не добьется своего. Отступить перед первой преградой недостойно мужчины. Бегхан засмеет его: «Бахвалиться ты мастер, а как дошло до дела, сплоховал. Ступай-ка, брат, пасти своих овец, только это тебе и по плечу». Ай, ведь когда-нибудь кончатся же эти каникулы-маникулы! А пока он уж как-нибудь перебьется, не впервой.

Все же Алты пал духом. Он никак не мог найти подходящей работы.

Неожиданно, слоняясь по ашхабадским улицам, Алты столкнулся с человеком, лицо которого показалось ему знакомым. Да это же земляк, Бяшым!.. Алты обрадованно бросился к нему:

— Бяшим!..

Тот, узнав Алты, удивленно поднял брови:

— Алты? Каким ветром тебя сюда занесло?

— А, не спрашивай!

— Натворил что-нибудь, и дёру? Это на тебя похоже.

— Да нет, ничего я не натворил. Я учиться приехал.

А везде каникулы! Куда ни сунусь — от ворот поворот.

— Что ж, все верно.

— Что — верно?

— Сейчас действительно каникулярная пора. Я сам на каникулах.

— А ты где учишься?

— В студии.

— В устудии?

— Да, в драматической студии. Учусь на артиста.

Алты взглянул на земляка с завистливым восхищением:

— Ты будешь артистом?

— А что особенного? Перед нами теперь все двери открыты.

Алты вздохнул:

— Только, видать, не для таких, как я.

— Это ты зря! У нас в студии много тедженских.

— И меня могут принять?

— Ты же неграмотный.

— Я ликбез кончил.

— Этого мало. К тому же прием начнется через месяц. — Бяшим задумался. — Слушай, чем черт не шутит. Поддай через месяц заявление, может, повезет.

— Думаешь, стоит попытаться?

— Попытка не пытка. Помню, как ты в ауле всех передразнивал. Как знать, может, ты самородок! А к талантам из народа в студии особое отношение.

— Ой, спасибо, друг! — воскликнул Алты. — Ха! Я — самородок! — но тут же прикусил губу. — А куда же мне до осени деваться?

— Ну, уж этого я не знаю. Устройся на работу. А пока пошли в общежитие, чай пить.

Общежитие — одноэтажный кирпичный дом — находилось во дворе студии. В каждой комнате жило по несколько учащихся, в комнатах было чисто, уютно. Алты, обходя земляков, оглядывая их жилье, только завистливо посапывал. И на друзей-тедженцев он смотрел с нескрываемой завистью: вот бы и ему, как они, учиться в студии, жить в одной из этих аккуратных комнат! Но достоин ли он такого счастья? Кто он? Бедняк, невежда! Куда ему до студийцев!

И все же он решил дождаться осени и попробовать про-

биться в студию. Пока же надо было искать работу: в кармане оставался последний рубль. В городе строилась текстильная фабрика, но туда Алты опоздал, рабочих уже набрали. После долгих скитаний по городу он забрел на биржу труда. Встал в очередь. Очередь длиннющая: в то время еще не покончили с безработицей и таких, как Алты, было много.

Его взяли ремонтным рабочим — чинить мостовые в городе. Заработка едва хватало на пропитание. Но скоро он лишился и этой работы — она была сезонная. В конце концов пришлось податься в сельскую местность, под Ашхабадом. Там Алты нанялся к зажиточному дайханину — рубить колючку. За сто кучек колючек ему платили пятьдесят копеек и задаром кормили. Но нарубить столько было непосильным трудом. Колючка здесь, в отличие от тедженской, мелкая, кусачая, она в кровь обдирала колени, рвала и без того обветшалую одежду. Да и притаптывать ее прохудившимися чокаями было нелегко. Алты еле удавалось заготавливать за день сорок кучек.

Через три недели вся колючка была порублена, а вместе с ней пришел конец и работе.

Алты вернулся в город. Чтобы прикрыть ссадины и цыпки на ногах, он купил туркменские шаровары, а на рубашку денег пожалел, приберегая их на еду.

Снова пошел он на биржу труда и некоторое время работал в каменном карьере, расположенном меж Ашхабадом и поселком Карадамáк. Ночевал Алты в Доме дайханина.

Почти каждый вечер он наведывался к приятелям в общежитие драматической студии, только там и отводил душу...

Наконец начался прием заявлений. Их было подано пятьдесят на семь мест. Среди этих пятидесяти было и заявление Алты.

Особых надежд на успех Алты не питал: он казался себе, по сравнению с другими поступающими, недотепой, оборвышем. Те-то раскатывали на велосипедах, и одеты были прилично, и немного говорили по-русски. Алты не знал ни одного

русского слова. Он подал заявление так, наудачу: будь что будет! Когда он выступал перед комиссией, все плыло у него перед глазами. Он был уверен, что провалился, а тут подвернулся бай, приехавший из пустыни искать работников, и Алты согласился пойти к нему в подпаски. На другой день предстояло покинуть Ашхабад, и утром Алты в последний раз (в этом он, во всяком случае, пытался убедить сам себя) заглянул в студию — проститься с друзьями.

Первым ему встретился земляк Сары Карры. Он как сумасшедший ринулся к Алты, хлопнул его по плечу и восторженно завопил:

— Алты, друг, поздравляю!

Алты хмуро буркнул:

— Нашел время балаганить.

— Да ты что? Я серьезно. Тебя приняли в студию!

Алты это известие так ошарашило, что он только захлопал глазами:

— Врешь!

— Ей-богу, правда!

Алты ткнул себя пальцем в грудь:

— Меня, приняли?

— А то кого же, меня, что ли?

— Сары, друг, поклянись, что не врешь!

— Гляди сам.

Сары Карры схватил Алты за локоть и потащил к доске приказов. Ногтем подчеркнул первую фамилию в списке принятых в студию.

— Вот. Читай.

Алты, шевеля губами, прочел и глазам своим не поверил. Первой действительно красовалась его фамилия!.. В глазах у него заискрились слезы, он и не пытался их скрыть — до того был счастлив.

Вчерашний батрак стал студентом Туркменской драматической студии!

Алты плакал от радости.

В новой одежде, в новых черных ботинках Алты совсем не походил на того оборванца, каким был недавно.

Стоя в общежитии перед большим зеркалом, он любовался собой, улыбаясь во весь рот: «Увидела бы меня сейчас мама — ни за что не узнала бы! А Бегхан, тот лопнул бы от зависти...» Алты в эту минуту очень нравился самому себе.

В общежитии его приучили к порядку и чистоте. Утром, заправив постель, он шел умываться и чистить зубы. Впервые в жизни бывший подпасок держал в руках зубную щетку.

Не обошлось и без конфуза. Как-то Алты собрался мыть голову. Он намылил ее и, не смывая пены, стал ждать, пока мыло засохнет. Увидев Алты над умывальником с серыми от высохшего мыла волосами, его приятель, Карабатыр, сначала перепугался, но тут же прыснул со смеху:

— Алты? Что с тобой?

— Не видишь? — рассердился Алты. — Намылил голову.

— А мыло не смыл?

— А зачем его смывать? Оно одеколоном пахнет. Вот пройду мимо байских сынков, в ботинках со скрипом, с душистыми волосами, пусть видят, что и мы парни не промах...

Бродя по улицам, Алты краешком глаза следил за своим отражением в витринах, даже за своей тенью на стенах домов. И радовался как ребенок: ну точь-в-точь Черкёз-толмач! Ох, как хотелось ему показаться в новом обличье своим землякам, важно прошествовать, скрипя ботинками, по улочкам родного аула! Пусть бы Бегхан поглядел на него! Алты уж подумывал, не попросить ли заведующего, чтобы тот отпустил его на несколько дней домой. Но, пораскинув мозгами, отказался от этой мысли. Еще скажет: заскучал по аулу, можешь убираться туда насовсем.

Но, как ни отратно было разглядывать себя в зеркалах и стеклах витрин, в студию-то Алты поступил, чтобы учиться. Надо было изо всех сил налегать на учение. А оно, как на

грех, с трудом давалось полуграмотному Алты. По-арабски он еще мог накорябать кое-какие слова, с русским же алфавитом дело обстояло куда хуже: он не отличал «а» от «б».

Русский язык в студии преподавал Мохаммéd Довлика́мов. На одном из первых уроков он вызвал к доске Алты, сказал:

— Ну-ка, Карлиев, возьми мел и напиши по-русски: «отец».

Алты схватил мел, поплевал на него. Преподаватель так и подскочил на стуле:

— Что ты делаешь?

— Мы в ликбезе всегда плевали на кончик карандаша.

— Не надо так больше. Ну ладно, пиши: «отец». — Поймав недоумевающий взгляд Алты, он пояснил: — Ну, по-нашему «ата».

Алты арабскими буквами вывел на доске: «ата». Преподаватель покачал головой:

— Ты что написал?

— Что вы сказали.

— Я же просил написать по-русски. О-тец! . .

— А что такое «отец»?

— Я же сказал: по-нашему — это «ата».

— Я и написал: «ата».

— Ты мне напиши по-русски!

Алты, поникнув, стоял у доски. Довликамов вздохнул:

— Не знаешь, как писать? Ну что мне с тобой делать, Алты?

Алты вскинул голову:

— Учите меня! Я ведь приехал учиться.

Довликамов встал, отобрал у него мел, написал на доске по-русски: «отец». Возвращая мел Алты, подбодрил его:

— Ну! Диктую по буквам: о...тэ...е...цэ...

Алты нацарапал злополучное слово, но опять арабскими буквами.

— Не так.

— А как же?

— Ты русский шрифт знаешь?

Алты набычился:

— Научите, буду знать. Я хочу учиться!

Преподаватель снова покачал головой и отправил Алты на место.

В этот день Алты уже не прислушивался любовно к скрипу своих ботинок, не перешучивался с приятелями, во дворе не слышался его обычный звонкий смех. Забившись в дальний угол, он сел на бревно, сжал виски ладонями и, чувствуя себя виноватым перед всеми, на чем свет стоит кляня свое невежество, погрузился в мрачные размышления. Ишь распустил хвост! Не рано ли? Жизнь-то не всегда гладит по шерстке. Ну, приняли его в студию. Что с того? Не за красивые же глаза его тут кормят и одевают. От него ждут, что он

порадует всех успехами в учебе. А он? Ничего-то он не знает. Туп, как пень. Еще требует, чтобы его учили! Да ему ни в жизнь не одолеть русского языка. Видно, прав был Бегхан: кишка у него тонка учиться. Дорога, выбранная им, оказалась ухабистей, чем он думал. Пора, видно, поворачивать назад, как он и обещал брату. Рано или поздно ему все равно укажут на дверь.

Приятели, заметив, как он удручен, собрались в кружок, чтобы обсудить, чем помочь Алты, как отвлечь его от черных мыслей. Парень, судя по его виду, в таком состоянии, когда каждый нерв натянут, как тетива лука. Решили, что с ним должен поговорить один из близких друзей. Выбор пал на Карабатыра, но он затряс головой:

— Нет, братцы! Видите, как он нахохлился? К нему не подступись. Еще отлупит!

Тогда в разговор вступил другой приятель Алты Сары Карры. Он возмущенно сказал:

— Да что мы рядимся, будто собираемся отправлять послов к шаху! Позовем Алты и будем держаться с ним как ни в чем не бывало.

— Верно! — обрадованно поддержал его Бяшим и закричал: — Алты! Эй, Алты! Иди к нам!

Алты не откликнулся. То ли, занятый своими мыслями, не услышал зова, то ли притворился, что не слышит. К нему подошел Сары Карры:

— Алты, что ты прячешься от нас? Ишь съежился, как мокрая курица!

Алты поднял на него глаза, полные мрачного, горячечного блеска, и вдруг захлеб, словно спеша излить душу, заговорил обо всем, что передумал за эти минуты. Сары Карры слушал его серьезно, внимательно, а когда Алты заявил, что все равно ему долго здесь не продержаться, приятель довольно улыбнулся:

— И слава богу!

— Что? — опешил Алты.

— То, что ты слышал. Верно, хватит тебе тут торчать, айда к нам!

Алты крепче прижался спиной к забору:

— Хорошо тебе шутки шутить. А мне плакать впору!

— Давай вместе поплачем, все веселей! А еще лучше — пойдем играть в чилик¹.

— До чилика ли тут!

— Ай, Алты, поразмяться всегда полезно!

Но Алты не слушал его, бубнил свое:

— Я-то мечтал со сцены высмеивать других. А вышло так, что надо мной смеются.

Сары Карры сокрушенно, с удивлением проговорил:

— Ба-ба-ба! Видно, я оглох. Что-то не слышал никакого смеха.

— Ладно тебе! Не видел, что ли, как Довликамов покачал головой, когда я шел на место?

— Велика важность! Я бы на твоём месте...

— Ну? Что ты?

— Я обычно поступаю так: он качнет головой один раз, а я десять. Мой верх!

— А ну тебя! С тобой серьезно, а ты... Нет, брат, видно, мне и впрямь больше подходит держать в руках чабанский посох, а не карандаш.

Сары Карры словно бы даже обрадовался:

— И то правда! Алты, друг, возьми меня с собой в степь! Налопаемся жирной баранины, ух как голоса зазвучат, с галерки будет слышно! А то иной актер надрывается на сцене, а зрителю кажется, будто москит звенит.

Ну как тут было удержаться от улыбки? У Алты потеплело на душе.

— Ты, гляжу, решил целое представление закатить. Вот уж артист так артист!

Сары Карры добродушно усмехнулся:

---

¹ Ч и л и к — игра вроде русского чижика.

— Ты, между прочим, тоже неплохо сыграл роль мокрой курицы. Я было поверил.

Алты не дал ему договорить, со слезами благодарности на глазах обнял друга.

16

За два года Алты все-таки кое-чему выучился. Он уже сносно читал и писал, немного освоил и русский язык.

Но перед ним выросли — выше Копет-Дага! — новые препятствия. Его учили актерскому мастерству, с каждым годом спрашивая с него все строже. То, что он умел делать раньше, действительно оказалось детской забавой перед тем, что требовали от него теперь. Труднее всего было «входить в образ».

Прежде Алты подражал в основном внешнему в людях; теперь он должен был передавать их переживания, раскрывать их внутренний мир да еще играть то положительных, то отрицательных героев. Это называлось «перевоплощаться». Прежде, имитируя слепого или зайку, он действовал по наитию, теперь же его то и дело поправляли: «Стой вот так, хрипеть тут не надо, и улыбка ни к чему, мотивируй изнутри каждый свой жест; ты обязан ясно сознавать, почему в той или иной сцене следует держаться так, а не этак».

Было от чего прийти в отчаяние!

Особенно он противился «лепке образа» по чужой указке и часто вступал с преподавателями в спор, настаивая, чтобы ему разрешили сыграть какую-нибудь роль по собственному усмотрению. А ему говорили: «Не торопись, не забегай вперед, всему свое время, успеешь еще проявить творческую самостоятельность, а пока дисциплина и труд, труд, труд...»

Были и такие минуты, когда он твердо решал бросить учебу. Однажды он даже удрал в Теджен, но скоро зато-

сковал по студии, вернулся... Как ни трудно, как ни сложно было овладевать профессией артиста, но в ней для Алты таилась огромная притягательная сила. Он чувствовал: без театра ему уже не жить. Театральное искусство захватило его целиком, Алты отдавал ему всю душу, всю энергию. Правда, он по-прежнему рвался к самостоятельности; порой сам облюбовывал для себя роль, уходил за город и там среди холмов репетировал один, без партнеров и учителей, и уж давал себе волю!

Студия, конечно, не могла за два года сделать Алты настоящим артистом. Но желание стать им не ослабело в нем, а, наоборот, окрепло. И родной край, где уже шло становление своего, национального театра, нуждался в артистах.

Стремясь продолжить совершенствование актерского мастерства, Алты уехал в Баку — в театральный техникум.

17

Когда-то Алты, недавнего подпaska, поразил Ашхабад. Но, попав в Баку, он совсем растерялся. Юноша задира л голову вверх, оглядывая многоэтажные громады домов, и дивился: как только земля выдерживает такую тяжесть? Голова у него кружилась от обилия этих зданий-махин, от разноголосицы и толчеи на улицах, от городского шума, от многолюдья, пестроты и движения. В первые дни стало даже так тоскливо, что он чуть было не удрал обратно, в Туркмению, к родным привычным степям и горам.

Но с ним был друг, Алланазар Курбанов, тоже туркмен, окончивший ашхабадскую драматическую студию. И под его постоянной опекой Алты постепенно сжился с Баку.

Вот только море его подавляло. Влекло — и подавляло.

Алты иногда часами простаивал на берегу Каспия, особенно в безоблачную погоду. Море в спокойном состоянии

напоминало огромное зеленое зеркало. Лишь за пароходом, рассекавшим водную гладь, тянулись волны. «Морщины на морском челе!» — невольно думалось Алты.

Однажды он увидел, как из воды начали выскакивать какие-то поблескивающие существа; кувыркаясь, они вновь ныряли в темную глубину. Кто-то восторженно закричал рядом:

— Тюлени! Тюлени!

И Алты опять дивился: что же это за существа такие и как они дышат под водой?

В последние годы удивление стало его верным спутником.

Его удивляла безбрежность моря. Казалось, не было ему ни конца ни края. Пароходы, плывущие в Красноводск, переваливали через горизонт и скрывались из глаз: за горизонтом тоже было море. Алты порой чудилось, что море поглотило всю землю. Вспоминались стихи Махтумкули¹:

Две трети земли занимает вода,
А треть остальную — раздоры и свары.
О боже, скажи мне, ответь мне, когда
Возник этот мир, одряхлевший и старый? ²

Две трети земного шара — под водой! Это не укладывалось в сознании Алты, хорошо помнившего, как дорога в его Туркмении каждая капля воды.

Поначалу юношу удивлял и азербайджанский язык; при всем сходстве с туркменским он казался непонятным: вроде и свой — и чужой. Однако Алты быстро с ним свыкся.

На память приходили короткие дестаны и эпические поэмы, посвященные достославным событиям, происходившим когда-то в Азербайджане. Алты повторял про себя строчки

---

¹ М а х т у м к у л и — основоположник туркменской классической поэзии.

² Перевод Ю. Карасева.

из дестана «Саят и Хамра́» и удивлялся: «Неужели же я хожу по этой легендарной земле, живу здесь? Вот чудеса-то!» И в письме к матери Алты делился своими восторгами.

В техникуме, где он учился, восточную литературу преподавал азербайджанский поэт и драматург Гусейн Джавид, человек тоже удивительный!

Алты был наслышен, что Гусейн Джавид в совершенстве владеет персидским языком, неплохо — арабским и слывет знатоком не только восточной, но и европейской литературы. Им написаны десятки пьес, среди них такие популярные во всей Средней Азии и на Кавказе, как «Ибли́с», «Шейх Сенан». Герой последней пьесы, властитель Шейх, настолько поддается силе и чарам любви, что ради нее идет на все: становится свинопасом, ползает на коленях перед христианкой. Когда Алты смотрел «Шейха Сенана», то еле удерживался от слез.

Но, впервые увидев знаменитого писателя, низкорослого, лысого, Алты испытал чувство разочарования и даже усомнился: им ли созданы все эти замечательные пьесы? Уж больно он был невзрачен на вид.

Однако, после того как Алты прослушал несколько лекций Гусейна Джавида, он стал чуть ли не боготворить драматурга. Юношу покорила его тонкий комедийный дар. Оставаясь предельно серьезным, преподаватель умел заставить смеяться всю аудиторию, каждое его слово, жест, манера держаться и говорить каким-то неуловимым образом рождали юмористический эффект.

Алты поразило, как хорошо знал Гусейн Джавид творчество Махтумкули: он наизусть цитировал стихи туркменского классика. За два года учения в Ашхабаде Алты не встретил никого, кто бы так тонко разбирался в поэзии Махтумкули. И Алты с восхищением думал о Гусейне Джавиде: «Да, в этой голове уместился целый мир!»

Преклонение перед Гусейном Джавидом привело к тому, что Алты и сам решил попробовать свои силы в драматургии. Он незамедлительно объявил об этом Алланазару. Тот только усмехнулся:

— Валяй, валяй!

— Смейся? — Прямые как стрелы ресницы Алты чуть дрожали. — А вот буду драматургом! Как пить дать буду.

— Поживем — увидим, — лениво отозвался Алланазар. — По-моему, ты прекрасно обойдешься и без этого.

— Значит, считаешь мои слова пустыми?

— Совершенно верно. Как ты догадался?

— Смейся, смейся! Но если я не стану драматургом...

— В чем я не сомневаюсь.

— Это в чем же ты не сомневаешься?

— В том, что не станешь.

— Ах, так?.. Ну вот: если не стану, то я...

— Ну-ну, — зевнул Алланазар. — Сейчас начнет клясться.

— Я не такой, как ты! — взорвался Алты. — Я не засох-

ший куст, летящий по ветру. Я скорее умру, чем откажусь от задуманного! Ты ведь меня знаешь...

Из-за одного упрямства Алты начал уделять все больше внимания драматургии. Даже на лекциях он сочинял пьесы. Правда, сам был от них далеко не в восторге. И все же писал, писал и днем и ночью.

Алланазар — они жили в одной комнате, — ворочаясь в своей постели, недовольно ворчал:

— Ложился бы спать, Алты.

— Сон ума не прибавляет.

— Со своим сочинительством потеряешь последний.

— Не беспокойся, у тебя не попрошу.

Алланазар стонал, словно у него болел зуб:

— Дай же наконец спать людям! Все равно у тебя ничего не получится.

— Посмотрим!

Но как ни обидно это было сознавать, а пока правота была на стороне Алланазара. Как ни бился Алты, исписывая страницу за страницей, сладить мало-мальски сносную пьесу ему не удавалось. Он рвал исчерканные листы и долго после этого не мог уснуть, мучительно думая: почему же у него ничего не выходит? Не хватает мастерства? Так ведь Гусейн Джавид тоже не родился драматургом! Нет, тут заковыка в чем-то другом...

Алты еще не признавал отчетливо и убежденно, что залогом творческих успехов служат знания, упорство, труд, постоянная творческая тренировка. Все это рождает высокое мастерство, и вот оно-то, помноженное на талант и жизненный опыт, приносит богатый урожай. Алты хотелось, по примеру жнецов, убирать уже поспевшую пшеницу. Он забывал, что прежде чем приступить к жатве, землю вспахивают, удобряют, засевают добротным зерном, потом несколько раз поливают, тщательно пропалывают, избавляя от сорняков. Словом, уход и уход, труд и труд...

Алты же спешил, его поле оставалось неподготовленным,

необработанным, небрежно засеянным, а недаром молвится: что посеешь, то и пожнешь.

По утрам Алланазар никак не мог добудиться друга. Он бесцеремонно тормошил Алты, осыпая его упреками:

— Вставай, лежебока! Нечего сказать, хорош друг! Мало того, что ночью не дает спать, так еще утром из-за него мучайся! Легче поднять с соломы ленивого быка, чем тебя с постели!

Алты с трудом продирает глаза, блаженно потягивался:

— Прости, дорогой товарищ, каюсь — виноват...

Но поговорка гласит: будешь стараться заплакать — и из слепых глаз польются слезы.

В одну из ночей Алты завершил-таки небольшую пьесу, которая показалась ему удачной. Он тут же принялся будить Алланазара:

— Эй, друг! Вставай! Сейчас увидишь, получился из меня драматург или нет.

Алланазар буркнул во сне:

— Отстань!

— Добром прошу, проснись!

Алланазар наконец разлепил тяжелые веки, с сердитым прищуром уставился на Алты:

— Ты кто такой, чтоб здесь командовать?

Алты принял гордую позу:

— Я — великий драматург Алты Карли!

— А! — с досадой отмахнулся Алланазар. — Когда действительно сделаешься великим драматургом — разбудишь. Думаю, успею выспаться.

Он перевернулся на другой бок. Алты стянул с него одеяло:

— Вставай, говорю! Такое событие, а он разлеживается!

Алланазар сел в постели, протирая глаза кулаками, глянул на окно; в щели ставней еле пробивался слабый свет.

— Вот неумный! Сам не спит и другим не дает. Еще и не рассвело как следует.

— Ты у меня поворчишь! — Алты дернул друга за ногу, и если бы Алланазар не ухватился за спинку кровати, то полетел бы на пол.

Он тотчас спрыгнул с постели и, ловко обхватив Алты, приподнял его над полом. Обычно в таких дружеских схватках побеждал Алты, гибкий, увертливый. Но на этот раз Алланазар застиг его врасплох. Сжимая Алты, как в клещах, угрожающе раскачивая, словно собираясь бросить, он спросил:

— Ну! Что с тобой сделать?

Алты, не желая просить пощады, отчаянно барахтался и кричал:

— Делай что хочешь! Только поскорей отпусти и садись слушать мою пьесу. Не пожалеешь — тебе первому я прочту гениальное творение! Ну, что топчешься, как беспомощная старуха? Отпусти!

Когда он наконец изловчился и вырвался, то тут же схватил исписанные листки и принялся читать. Но поскольку сам он не удосужился повнимательней перечитать свою пьесу, то часто запинался, некоторые фразы повторял дважды, исправляя на ходу, а в некоторых сам не мог разобраться и, остановившись, с искренним недоумением спрашивал сам себя:

— Хм... Что бы это могло значить?

Алланазар же, то ли досадуя, что ему не дали выспаться, то ли оттого, что ему не нравилась пьеса, не упускал случая поддеть Алты:

— Что за бред ты мне читаешь? ..

Алты пропускал его колкости мимо ушей. Он настолько увлекся чтением, что не заметил, как Алланазар снова начал клевать носом. Долг дружбы повелевал дослушать пьесу Алты до конца. Но Алланазар ничего не мог с собой поделать, он с тоской поглядывал на смятую, наверно, еще теплую постель и в душе проклинал Алты за его драматургические опыты.

Когда Алты отложил рукопись, солнце только еще всходило. Но на лице юного драматурга словно играли его лучи. Правда, эта внутренняя озаренность быстро сменилась чувством тревоги, он вопросительно взглянул на друга: «Ну, как, драматург я или нет?» Алланазар сидел молча, со смеженными веками, чуть посапывая. Алты помрачнел:

— Алланазар! Тебе что, не по душе пришлась моя «Аннагуль»?

— Как? «Аннагуль»? — встрепенувшись, переспросил Алланазар.

— Ну да.

— Вот и чудесно!

— Что — чудесно?

— А то, — сонно, с натужной иронией мямлил Алланазар, — что, с одной стороны, мы, значит, имеем цветок¹, а с другой стороны — соловья.

— Откуда ты взял соловья?

— Как — откуда? Пьеса — цветок, а соловей — автор.

— Оставь свои шуточки при себе. Говори, получилась пьеса или нет?

Алланазар принялся на все лады расхваливать и пьесу и автора. Ему вовсе не хотелось ни огорчать друга, ни отбивать у него охоту к творчеству.

— Чудак ты, Алты! Ну что кипятишься? Ты молодец, ей-богу, молодец! Пьеса отличная! Это я даже сквозь сон понял.

Алты посмотрел на него с подозрением: уж больно стремителен был этот переход от вялого равнодушия к безудержным восторгам. А тот продолжал разливаться:

— Видишь, солнце поднимается? .. А я считаю, оно уже взошло. Взошло новое светило на драматургическом горизонте!

Алты под напором этих похвал даже растерялся:

— Так ты думаешь... из меня выйдет толк?

---

¹ Г у л ь — цветок.

— Да будь я режиссером, я поставил бы твою пьесу без единой поправки!

Алты понимал, что Алланазар, движимый чувством дружбы, хватил через край. И все же в его груди разлилось сладкое тепло. Он хлопнул себя по бедрам и подпрыгнул на стуле:

— Ай, Алты Карли! Слышал? Ты молодец!

Алланазар протянул ему руку:

— Поздравляю, дружище!

Алты не стал пускаться в более подробные расспросы о своей пьесе. Уж наверняка при внимательном разборе Алланазар нашел бы в ней уйму недостатков, а Алты не хотелось, чтобы ему в самом начале полета подрезали и без того слабые крылья. Он вскочил с места, торопливо проговорил:

— Спасибо, друг! Я сейчас заварю тебе тако-ой чай! — и помчался за кипятком.

Алты сгорал от желания показать свою пьесу любимому учителю, поделиться с ним своей радостью, послушать его замечания и советы, но у него не хватило на это решимости, и при встрече с Гусейном Джавидом Алты лишь сообщил, что пробует свои силы в драматургии. Писатель одобрительно, ласково потрепал его по плечу:

— Машалла, сынок, машалла!¹ Я верю в тебя, есть в тебе искра божья. Будешь стараться — из тебя обязательно выйдет драматург.

Эти ободряющие слова учителя окрылили Алты.

Алты часто бывал в театре. Больше всего волновали его пьесы «Шейх Сенан» Г. Джавида, «Ревизор» Гоголя, «Гамлет» Шекспира. Они учили юношу жизненной правде. Алты благоговел перед такими известными азербайджанскими артистами, как Аббас Мирза Шарифзаде, Марзия-ханум, они словно бы сливались с героями, которых играли. После спек-

---

¹ М а ш а л л а — одобрительное восклицание (азербайдж.).

такля Алты поджидал у выхода Аббаса Мирзу, чтобы хоть одним глазком взглянуть на него вблизи. А иногда украдкой шел за ним до самого дома. Даже дождь не мог прогнать Алты от театра; в ненастные вечера он промокал до нитки.

Как-то, когда Алты дома снимал с себя насквозь вымокшую одежду, Алланазар воскликнул:

— Просто удивительно!

Алты ошетинился:

— Что тебя удивляет?

— Раньше парни влюблялись в девушек. А теперь...

— Тебя это не касается!

— Возможно. Но все-таки я на твоём месте приударил бы за какой-нибудь красавицей.

— Я не для этого приехал в Баку.

Алланазар лукаво прищурился:

— Ой ли? А по-моему, тебя хватает и на театр, и на прекрасных пери. Где это ты вчера порвал брюки? Уж не перелезал ли через чей-то забор?

Алты густо покраснел:

— Не твоё дело!

— Как это не моё? Брюки-то мои! Ах, Алты, не жалеешь ты мой выходной костюм! — Он вдруг грозно нахмурился и, подступая к Алты, приказал: — А ну, отдавай брюки! Моя очередь их носить.

Алты повертел у него под носом кулаком:

— Вот тебе твои брюки! Видал?

— Ах, так?

Алланазар бросился на Алты, тот, увернувшись, припустился от друга вокруг стола.

Аббас Мирза, которому поклонялся Алты, был тщедушный, всегда какой-то усталый; он ходил, опустив голову, бормоча что-то про себя. На улице артист совсем не походил ни на Гамлета, ни на Шейха. А на сцене преображался, Алты даже казалось, что он делался выше ростом. И юноша, как клятву, тихо шептал:

— Я буду артистом! Таким, как Аббас Мирза!

Вернувшись из театра, Алты до поздней ночи расхаживал по комнате, повторяя монологи из пьес, в которых выступал Аббас Мирза, с интонациями и жестами, перенятыми у любимого артиста. Алланазар, когда ему это надоедало, ворчал:

— Эй, Аббас Мирза, хватит! Всему должен быть предел.

— А я бы и до утра репетировал, если бы утром не идти на занятия.

— Э, что ты не выступишься — не беда! Как бы вот не свихнулся.

Алты с сожалением смотрел на друга.

— Эх, ты, бубнишь одно и то же! Выдал бы что-нибудь поинтересней. Ну, к примеру, сказал бы: «Алты, я все больше убеждаюсь, что ты будешь знаменитым артистом».

— Ладно. Будешь. Если только до этого не спятишь.

— С таким другом, как ты, мне ничего не страшно!

— Тогда ложись спать. Великий артист!

Но на Алты не действовала его ирония, он верил в свою счастливую звезду.

18

Студентов Бакинского театрального техникума иногда посылали в Москву, чтобы они познакомились с театральной жизнью столицы.

Москва сразу же покорила Алты. Он с трепетным благоговением смотрел на зубчатую кремлевскую стену, овеянную легендами и тайнами, на сверкавшие из-за нее золотые церковные маковки, ему казалось, что это гордо и остро поблескивают глаза мастеров, создавших архитектурное чудо — Московский Кремль. У Алты замирало сердце, когда взгляд его задерживался на высоких окнах прославленного на весь мир здания, чудилось, что в одном из них вот-вот появится Ленин...

Сердцу Алты стал дорог каждый уголок священного города, каждый кирпич его домов, каждый камень его мостовых. Он любил бродить не только по центральным площадям и улицам, но и по окраинным переулкам, там он тоже ощущал дыхание истории, жаркое дыхание революции.

Он мог часами простаивать на Красной площади, в восторженном оцепенении разглядывая причудливо-многоцветный, щедро-узорный храм Василия Блаженного, наблюдая за сменой караула у Мавзолея Ленина. Когда сам он оказался в Мавзолее, то у ленинского гроба придержал шаг, глаза его наполнились слезами. Если бы не Ленин, великий сын великого народа, ему, Алты, вовек бы не видать ни Москвы, ни театра, так бы и гнул он всю жизнь спину на поррук-баев, трепеща перед их ременной плетью. А ныне он хозяином ходит по Москве, это его город, и Баку — его город, и вся Страна Советов — это его страна. И губы Алты благодарно, с сыновней любовью шептали: «Спасибо тебе, Ленин, за все, за все... Я обязан тебе всем до последнего дыхания... Живи в веках!...»

В Москве Алты смотрел на все с ненасытной жадностью, вбирая в себя каждую подробность, словно ему предстояло перед кем-то отчитываться в своей поездке.

Навсегда запомнились ему первые посещения московских театров. Он смотрел пьесу Всеволода Вишневского «Последний решительный» и хотя слабо знал русский язык, но все понял. Пьеса была поставлена Мейерхольдом, и Алты чутьем оценил мастерство режиссера, направленное прежде всего на создание цельного актерского ансамбля. Никто здесь не стремился выделиться, и никто не оставался на заднем плане. Даже эпизодические роли игрались с блеском.

После этого спектакля в пылкой душе Алты созрело новое решение, о чем он торжественно поведал своему неизменному спутнику, Алланазару:

— Знаешь, друг, я сегодня понял: мое призвание — режиссура!

Алланазар покосился на Алты с каким-то испугом.

Друзьям посчастливилось побывать и на репетициях Станиславского. Великий мастер сцены говорил негромко, просто, как-то по-домашнему, но каждое его слово воспринималось артистами как закон. Он не подавлял авторитетом — он убеждал, и своими, словно бы раздумчивыми советами, наглядными импровизированными подсказами как бы продвигал актера на шаг вперед...

Алты напряженно, с упоением слушал, смотрел, раздумывал... А когда друзья очутились на улице, еще более убежденно проговорил:

— Да. Я уверен: быть мне режиссером!

Алланазар смолчал...

19

Окончив в Баку театральный техникум, Алты вернулся в Ашхабад и был принят в Туркменский драматический театр.

Алланазар, вступивший в ту же труппу, сказал с обычной своей многозначительностью, за которой всегда крылся какой-нибудь подвох:

— А знаешь, Алты, зачем ты пошел в этот театр? Тебе тут нечего делать.

— Это еще почему? — насторожился Алты. — Разве я украл ишака у казі? ¹

— Да нет, пока ты ни в чем еще не провинился. Просто наш театр тебе ни к чему.

— Да почему же?

Алланазар, помедлив, отрезал:

— Потому что ты — сам театр! Ты ведь и драматург, и режиссер, и артист. Один в трех лицах! Открывай театр и

---

¹ К а з ы — судья, духовное лицо.

демонстрируй себя во всех видах: сам пиши пьесы, сам ставь их, сам в них играй. Дошло?

Алты расхохотался:

— А что? Идея! Только принимаю ее с одним условием: ты в этом театре будешь директором, администратором, бухгалтером и кассиром. Идет?

Алланазар с притворной растроганностью пожал ему руку.

— Друг! Спасибо за доверие, — и торжественно возгласил: — Да здравствует театр Алты Карли!..

Ни одному из них и не мнилось, что в шутке этой немалая доля правды, что Алты впоследствии завоюет всеобщее признание и как режиссер, и как драматург, и как артист.

20

Первым боевым крещением для Алты, как артиста, оказалась роль Алихана в пьесе азербайджанского драматурга Дж. Джабарлы «Невеста огня». Образ Алихана колоритный и сложный. Все же Алты мог бы добиться в этой роли успеха, не соверши он одну серьезную ошибку, конечно, не умышленно, но и не случайно. Всегда жаждавший самостоятельности, на этот раз он изменил себе. Роль Алихана — первую свою роль — ему захотелось сыграть, точь-в-точь как играл ее его кумир Аббас Мирза. Вместо того чтобы создать образ так, как Алты его понимал, он этот образ скопировал. Правда, зритель тепло принял и спектакль, и Алты в роли Алихана, но это был обманчивый успех. Алты не вложил в роль ничего своего и в то же время не сумел, да это было и невозможно, повторить Аббаса Мирзу. Алланазар после спектакля откровенно поделился с другом своим впечатлением:

— Ты талантлив, Алты, ты настоящий артист. Но это вообще. А вот сегодня — хочешь обижайся, хочешь нет — я не

почувствовал в тебе артиста. Я видел на сцене не актера Алты Карли, а бледную фотографию другого артиста, ты знаешь, о ком я говорю.

Как ни горько было это слушать, но Алты понимал: Алла-назар прав.

В скором времени коллектив театра оказался в затруднительном положении. Несмотря на явную неподготовленность труппы, в репертуар была включена пьеса Гоголя «Ревизор».

В те годы театральное искусство в Туркменистане делало первые шаги. Многие актеры работали в театре, не имея специальной подготовки. Многим не хватало не только театральной, но вообще культуры. Актеры слабо знали мировую классическую драматургию.

Однако постановка «Ревизора» на сцене туркменского театра была бы большим событием в культурной жизни республики. Это понимали все. И в конце концов труппа «загорелась» пьесой.

Самым трудным оказалось подобрать артиста на главную роль — Хлестакова. Найти исполнителей остальных ролей было проще: в театре имелись артисты, которым по плечу была даже роль Городничего. Но кому под силу справиться с ролью Хлестакова? Роль сложнейшая. И в то же время от ее исполнения зависел успех или неуспех всего спектакля. Такую роль можно было доверить не каждому. Известно, что при жизни Гоголя ни одному из актеров не удалось сыграть Хлестакова таким, каким представлялся он самому писателю. А после его смерти создать правдивый, «по Гоголю», образ Хлестакова смогли лишь прославленные мастера сцены. Этот вопрос занимал и тревожил не только режиссера, но и весь коллектив театра.

Стали перебирать кандидатуры: этот не подойдет, этот слишком неопытен, этот слишком стар, этому Хлестакова просто не понять, а этому не подогнать свой характер под хлестаковский.

Судили-рядили, наконец очередь дошла до артиста, на которого театр возлагал большие надежды. Вот он, пожалуй, мог бы: молод, пылок, талантлив.

Этим артистом был Алты Карли.

В труппе разгорелись жаркие споры вокруг его имени:

— Да какой из него Хлестаков? Еще молоко на губах не обсохло!

— Молод? Так это не порок, а достоинство! Он полон задора, не топчется на месте, а ищет, пробует...

— В голове у него ветер гуляет. Его легкомыслие поражает.

— Так ведь и у Хлестакова легкость в мыслях необыкновенная. И прихвастнуть мастак, как наш Алты. Видите, даже характеры совпадают...

— А рост, а лицо? Да он словно создан для этой роли!

— Внешние данные еще ничего не решают. А чтобы сыграть легкомыслие, нужна серьезность...

— Алты к своей профессии относится достаточно серьезно... Поверьте, у него получится!

— Посмотрим, посмотрим...

Сам Алты долго колебался, прежде чем согласиться на лестное предложение сыграть роль Хлестакова. Ему страх как хотелось согласиться! Но достанет ли у него силенок? Не справится с ролью, так и сам опозорится, и подведет весь коллектив театра.

Все же он не устоял перед соблазном испытать силы в ответственной роли.

Хотя он не раз смотрел этот спектакль в Баку, но начал работу над ролью Хлестакова с досконального изучения пьесы. И сразу почувствовал, какие трудности его ждут.

Первой трудностью была речь Хлестакова. Алты старался понять, почему в этом месте он говорит именно так, а не по-иному, чем продиктовано конкретное построение той или иной фразы. Тут надо было идти изнутри образа. А Алты как раз и не мог нащупать его сути. Положительный это образ или

отрицательный? Несомненно, отрицательный. Но есть ли в пьесе хоть один образ светлей хлестаковского? Имеется ли в ней положительный герой? Нет, такого днем с огнем не сыщешь. Что же может дать зрителю пьеса сплошь черных тонов?...

Алты не находил ответа на этот вопрос.

Режиссер спектакля пытался растолковать ему, как надо понимать «Ревизора». Алты пропускал эти объяснения мимо ушей не из упрямства, как полагал режиссер, просто он привык до всего доходить своим умом. Никакие подсказки на него не действовали, пока он не разобрался в чем-нибудь сам.

Режиссера бесили строптивость и тугоумие Алты, но приходилось мириться с его капризами: поручить роль Хлестакова больше было некому.

Сам Алты, мучаясь сомнениями, перечитал немало литературы о «Ревизоре». Критические статьи, посвященные великой комедии, то открывали ему глаза, то совсем запутывали. Нелегко было найти истину в ворохе противоречивых суждений: то, что утверждали одни критики, отрицали другие. Алты ворчал про себя: «Трудно им было столкнуться, что ли?»

В конце концов он обратился за помощью к великому русскому критику Белинскому, который, как слышал Алты, много писал о Гоголе и его «Ревизоре». У Белинского Алты получил четкий ответ на самый свой тревожный вопрос: есть ли в пьесе положительный герой. «Да есть!» — «Кто же это?» — «Это — смех». Алты до того удивился, что и сам рассмеялся: «Как? Смех? Ну да, положительным героем в «Ревизоре» выступает смех — смех, звучащий в зрительном зале, смех-судья!»

Это так убедительно. Теперь для Алты многое в «Ревизоре» раскрылось по-новому.

И все же он с трудом вживался в образ Хлестакова. Отчаявшись, Алты чуть было не отказался от роли, которую

ему доверили. Но тут же представил себе, как воспримут его отказ актеры. И, стиснув зубы, он сказал себе: «Я сыграю эту роль, иначе мне вообще не место на сцене».

И он снова с головой погрузился в изучение пьесы и всего, что с ней связано. Хлестаков, Хлестаков... Что же он все-таки за птица? Враль, хвастунишка, дурак набитый? Да нет, сам Гоголь горячо возражал против такого истолкования хлестаковского образа. Дело обстоит посерьезней. Хлестаков представляет здесь от целой общественной прослойки. В этом — зерно образа. А конкретно он выявляет себя в словах и поступках, в общем-то, искренних и естественных. Он легко всем увлекается — и возможностью пожить за чужой счет, пофанфаронствовать вволю и даже собственными выдумками, потому что в его характере нет ничего прочного, устойчивого.

А вот почему с такой готовностью верит ему Городничий — сам дока по части надувательства?

Вопросы набегали один за другим.

И с каждым найденным ответом Хлестаков обретал для Алты все большую зримость.

Художник принес ему эскизы. Хлестаков на них был курносый, тонкий, как рюмка, со светлыми волосами, франтоватый. Фалды фрака топырились, словно крылья ласточки. Он стоял на одной ноге, протянув вперед руки; во всей позе тоже легкость необыкновенная! Алты таким и рисовал себе Хлестакова. Он сам был внешне похож на своего героя, сходство довершат парик и костюм.

Спектакль готовили долго. Но вот наконец наступил день премьеры. Весь город с нетерпением ждал этого дня. Театр был набит битком.

Хотя Алты не впервые выступал перед публикой, у него гулко билось сердце, дрожали колени. Спектакль должен решить: быть или не быть ему артистом.

Но на сцену Алты вышел уверенно. И дальше все пошло как по маслу.

Алты был в ударе, да и другие актеры всю душу вкладывали в исполнение своих ролей. Все играли легко, а за этой видимой легкостью были бессонные ночи, напряженные поиски и раздумья, горы прочитанных книг, репетиции до седьмого пота.

Алты в антрактах с удовлетворением думал: «Нет, не устарела гоголевская комедия! И дело не только в том, что она помогает зрителю понять прошлую эпоху. Ведь и до сих пор не перевелись еще лгуны, чинуши, казнокрады, людишки, готовые на все ради личного блага, и пьеса наносит им сокрушительный удар». И он, Алты, тоже участвует в беспощадной схватке с этой оставшейся от прошлого накипью!

Спектакль «Ревизор», в постановке ашхабадской труппы, занял видное место в истории туркменского театра...

После спектакля к Алты, уставшему, счастливому, про-
рвался верный Алланазар. Крепко обняв друга, он сказал:

— Ну, Алты, молодчина!.. От души тебя поздравляю.
Я частенько над тобой подтрунивал, но, честное слово, всегда
в тебя верил. А сегодня убедился: не зря верил! Ты был не-
повторим в этой роли. Алты, друг, ты настоящий артист!..

П О С Л Е С Л О В И Е

На этом я прерву рассказ об Алты Карли, сыне Карли Чакана. Его дальнейший путь — это путь профессионального мастера сцены. Мне же хотелось поведать, как пришел он к своему первому большому успеху в театре, хотелось показать его детство, юность, ибо, как мне думается, история его жизни весьма поучительна. На примере моего героя не-
трудно увидеть, как трудна — но и завидна! — дорога к овла-
дению подлинным мастерством. А еще вся жизнь Алты Кар-
ли — это яркое свидетельство того, сколько добра сделала
для Туркмении, для бедняков дайхан Советская власть. Если
бы не революция, не Советская власть, не быть бы Алты Кар-
ли артистом, пас бы он доныне чужие отары. Все, чего
он добился, дала ему Советская власть. Ему и таким, как
он. Об этом мы не вправе забывать ни на минуту. Сколько
истинных талантов так бы и остались скрытыми кладами,
если бы в Туркмению не пришла революция и не распахнула
перед честными тружениками, их детьми, настоящими хозяе-
вами земли, двери школ, институтов, студий...

Как гласит поговорка, мир не без добрых людей. Но но-
вое время словно бы пополнило запасы доброты в людях.
И меня, когда я знакомился с жизнью Алты Карли, больше

всего радовало, что рядом с ним все время оказывались люди, готовые протянуть руку помощи.

Конечно, Алты Карли многим обязан своему таланту, проявившемуся еще в детстве. Но решающую, благотворную роль в его судьбе сыграла Советская власть, советские люди.

Остается добавить, что Алты Карли, или, как он значится во всех энциклопедиях, Карлиев, — это реальное лицо, наш с вами современник, народный артист СССР, дважды лауреат Государственной премии. И повесть, которую вы прочли, представляет собой эпизоды из подлинной биографии артиста. Это — сцены из его жизни, вехи на его пути в театр, в драматургию.

В первые послереволюционные годы, когда в Туркмении еще не упрочилась Советская власть, Алты, как вы могли убедиться, приходилось туго. Вспомните, как мечтал он о самых простых лакомствах, как удивлялся даже чистой постели! Но все эти жизненные неурядицы, похождения и злоключения Алты, встречи с разными людьми дали ему богатый жизненный опыт, который тоже помог артисту стать большим мастером.

Жизнь Алты Карли после выступления в «Ревизоре» сложилась в полном соответствии с шуткой его друга, Аллана-зара. Он сделался известным драматургом. Им написаны пьесы «Пахта», «Айна», «1916 год», «Башлык». Сбылась и его мечта о режиссуре: в течение нескольких лет он был главным режиссером Туркменского театра оперы и балета имени Махтумкули, потом главным режиссером Туркменского драматического театра, того самого, где началась его творческая биография. Алты Карли поставил немало спектаклей, пользовавшихся заслуженным успехом у зрителей, между прочим и гоголевского «Ревизора»!

Прославился Алты Карли и как артист. Он подарил зрителям такие неувядаемые образы, как Фурманов в «Мятеже», Карл Моор в «Разбойниках», Незнамов в «Без вины

виноватые», Труффальдино в «Слуге двух господ», Яго в «Отелло», Яровой в «Любови Яровой».

У Алты Карли появилось еще одно страстное увлечение — кино. Он и сам снимался в фильмах «Дурсун», «Далекая невеста», и поставил несколько фильмов, в том числе одноименный фильм по моему роману «Решающий шаг».

На этом я кончаю свое послесловие.

А путь моего героя и друга Алты Карлиева продолжается. Да будет он долгим и светлым!..

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Берды Мурадович Кербабаяев

СЫН КАРЛИ ЧАКАНА

Ответственный редактор *Р. Д. Кафриэлянец*.
Художественный редактор *В. А. Горячева*.
Технический редактор *В. К. Егорова*.
Корректоры

Л. М. Короткина и Э. Л. Лофенфельд.

Сдано в набор 22/VII 1966 г. Подписано
к печати 29/IX 1966 г. Формат 60×84¹/₁₆.
6,13 печ. л. 5,72 усл. л. (4,29+1 вкл.=4,35
уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. Цена 25 коп.
на бум. м/мел. ТП 1966 № 420.

Издательство «Детская литература».
Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглав-
полиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Ленинград,
2-я Советская, 7. Заказ № 848.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

в 1966 году выпускает для среднего и старшего школьного возраста следующие книги, переведенные с языков народов СССР:

Сарсенбаев А.

СЫН КАПИТАНА.

П о в е с т ь

Каспийским рыбакам-тюленебойцам, их нелегкой, полной романтики жизни посвятил автор свою книгу. Главный герой повести — юноша Болатхан. После смерти отца заботы о многочисленной семье легли на плечи Болатхана. Юноша оставляет школу и уходит рыбачить в море. Читатель видит, как в борьбе с трудностями закаляется воля и характер Болатхана.

Перевод с казахского.

Ю в а н.

НОЧЬ НА СНЕГУ.

П о в е с т ь

Книга рассказывает о комсомольцах-мансийцах, впервые отправившихся в долгое кочевье со стадами оленей. Многие знают молодые люди, но многого они еще не умеют. Трудно быть оленеводом-пастухом, тяжел труд пастуха, но и почетен. Повесть рисует разные судьбы, сложные отношения молодых пастухов со старшими.

Перевод с мансийского.

Книги эти по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребкооперации. Книги высылаются также наложенным платежом отделами „Книга—почтой“ областных, краевых и республиканских книготоргов.

25 коп